

Наталья Антонова

Расплата по чужим

СЧЕТАМ

РАССЛЕДОВАНИЕ
• За •
ЧАШЕЧКОЙ
— чаю —

— Уютный детектив —

Уютный детектив

Наталия Антонова

Расплата по чужим счетам

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антонова Н. Н.

Расплата по чужим счетам / Н. Н. Антонова — «Эксмо»,
2020 — (Уютный детектив)

ISBN 978-5-04-109605-2

Сонное спокойствие небольшого города нарушает серия страшных убийств: некто нападает на молодых мужчин и зверски с ними расправляется. На первый взгляд жертвы никак не связаны между собой. Все теряются в догадках: ритуальное убийство? Дикие выходки какого-то безумца? Следователь Александр Наполеонов нащупывает то одну, то другую ниточку, но все они обрываются. На помощь ему приходит подруга детства – очаровательная Мирослава Волгина, владелица частного детективного агентства. Совместными усилиями они выходят на след преступника и, уже обнаружив его, с трудом верят, что этот человек и есть чудовищный убийца, за которым тянется длинный кровавый след.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109605-2

© Антонова Н. Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталия Николаевна Антонова

Расплата по чужим счетам

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

© Антонова Н.Н., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Она была довольно милой, только скованной и немного напуганной. У нее были волосы цвета воронова крыла и глаза оттенка голубого фарфора. И вся она, худощавая, среднего роста, напоминала старинную немецкую статуэтку с бабушкиного запыленного трюмо...

В парк на танцплощадку ее уговорили прийти две подружки-хохотушки, вечно окруженные толпой поклонников и воздыхателей. У нее же, несмотря на двадцатилетний возраст, так никого и не было.

Те, с кем ее знакомили подруги, исчезали быстрее теней в полдень. На расспросы все тех же подружек незадачливые парни отвечали: извини, твоя подруга слишком строгая, кто-то говорил – сухая, кто-то – скучная. Но результат был один, она до сих пор оставалась девственницей.

А в парке так сладко пахло черемухой, просто голова кружилась от захватывающего дух аромата. Соловьи, несмотря на грохочущую музыку, пели где-то в глубине темных аллей, прячась в ветвях разросшихся деревьев.

Она стояла, прижавшись к стене, и смотрела, как танцуют пары вокруг. Ее подруг тоже без конца приглашали кавалеры. Возвращаясь, они со смехом доверяли ей свои маленькие тайны. И ей казалось, что сердце сжимает какой-то невидимый, маленький, но сильный кулачок. Ему было больно и беспокойно. Но она привыкла оставаться внешне бесстрастной, никогда не подавать вида, что тоже может что-то чувствовать, радоваться, страдать. Окружающие привыкли считать ее человеком без эмоций.

Вдруг в ее голове промелькнула мысль – сегодня полнолуние... и может произойти чудо. Она вышла за ограду танцплощадки и оказалась в парке. Высоко над головой висела золотисто-желтая луна, похожая на сказочное яблоко. Казалось, протяни руку, и этот волшебный плод окажется у тебя в руках. Ей невольно вспомнился древний миф и Парис, получивший яблоко из рук богини любви и красоты Афродиты... Думать о том, чем закончилась эта история, ей не хотелось.

– Привет, малышка, – услышала она совсем рядом теплый мужской голос с легкой хрипотцой, подняла голову и увидела его.

И тут она поняла, что пропала! А он смотрел на нее озорными веселыми глазами и улыбался. Она не могла рассмотреть цвет его глаз, но ей казалось, что в них утонул весь мир.

– Хочешь яблоко, детка? – спросил он с улыбкой.

Она хотела ответить, что хочет, очень хочет! Но вместо слов из ее горла вырвалось только странное бульканье, и сердце ушло в пятки.

Он рассмеялся.

– Я испугал тебя? Прости...

Она помотала головой.

– Ты что, немая?

– Да, то есть нет.

Он снова расхохотался.

– Ну слава богу, выяснили, что ты можешь говорить. А то прямо чистый Никулин.

Она не поняла, почему Никулин, но спросить не решилась. И так как она продолжала стоять неподвижно, словно зачарованная, он взял ее руку и вложил в нее яблоко.

– Ешь, оно и вправду вкусное.

– Спасибо.

– Не за что. Как тебя зовут?

Она назвалась и услышала в ответ его имя. Оно показалось ей самым чудесным из всех мужских имен, которые когда-либо существовали на свете.

– Пойдем потанцуем?

– Нет, давайте лучше погуляем, – попросила она нерешительно.

– А ты не боишься ходить по парку так поздно с незнакомцем? – Его глаза лучились, очаровывая ее все больше и больше.

Она медленно покачала головой, и он, улыбнувшись, взял ее за руку. Они гуляли по темным аллеям, удаляясь в глубину старого парка. Музыка осталась где-то далеко-далеко, а вокруг был только шелест листвы, птичьи трели и эхо их шагов. Она никогда в жизни еще не была так счастлива, как сейчас, мир казался ей упоительно прекрасным, а ее спутник был воплощением всех божеств вместе взятых. И куда там Парису до него!

Теперь, осмелев и разговорившись, она рассказала ему о своей семье, о своих мечтах, но больше всего о своей будущей специальности. Он внимательно слушал и даже вставлял время от времени пару словечек.

– Значит, ты будешь химичкой? – улыбнулся он и провел рукой по ее коротким волосам, облегающим голову точно шапочка.

У нее от этого прикосновения земля ушла из-под ног. И она пролепетала едва слышно пересохшими губами:

– Я буду химиком, наверное, преподавателем в школе или в вузе.

– Здорово, – одобрил он ее планы на будущее.

Покинув парк, они пошли пешком по ночному городу не только потому, что транспорт уже не ходил, но и потому, что им... или ей так хотелось. Был уже второй час ночи, когда они подошли к ее дому и остановились возле подъезда, в котором она жила.

Родителей дома не было, они должны были вернуться из санатория не раньше чем через две недели. Сестра укатила к бабушке в деревню под Ярославль с очередным кавалером.

– Ну вот, – услышала она его голос, – я довел тебя в целости и сохранности до самого дома.

Она застыла на миг как изваяние, в ее душе боролись робкое любопытство, жгучий страх и надежда...

– Может, – проговорила она наконец застенчиво, – зайдем ко мне?

– На чашечку кофе? – улыбнулся он.

Она доверчиво кивнула.

– Родителей дома нет.

– Детка, а ты знаешь, что вытекает из чашечки кофе? – спросил он вкрадчиво.

Она снова кивнула и ощутила, как лицо заливается жаром. Хорошо, что на улице ночь и свет фонарей не выдаст избраннику ее стыдливого румянца.

– Должен сказать тебе откровенно, – он приподнял ее подбородок и заглянул в глаза, полные обожания и готовности слепо следовать всем его пожеланиям, – детка... – и оборвал фразу, оставив ее неоконченной.

Она торопливо вынула из кармана ключи и положила ему на ладонь.

– Вот...

Ключи тихо звякнули, и их глаза встретились. Он сжал пальцы в кулак, прохладные концы ключей царапнули кожу, как металлические коготки предостережения. Он внял знаку судьбы и проговорил:

– Извини, не сегодня. В следующий раз...

* * *

Было уже поздно, и Саша подумал, что, пожалуй, нужно было не экономить деньги и, раз уж опоздал на общественный транспорт, поскольку время, когда рядом милая девушка, летит незаметно, стоит поймать частника или вызвать такси.

Он уже решил, что так и сделает, как услышал рядом глухой старческий голос:

– Сыночек, помоги мне, заплутала я. И зачем по темноте пошла?..

Саша оглянулся и увидел сухонькую старушку.

«Не бомжиха», – оценил он сразу и спросил:

– Что случилось?

– Да тут арка где-то должна быть, а я все плутаю и никак не найду.

Саша огляделся вокруг и даже при свете фонарей увидел арку метрах в пяти от того места, где они стояли.

– Идемте, я вас провожу, – сказал он и подхватил старушку под руку. Она немного прихрамывала, опираясь на свою трость, но изо всех сил старалась приноровиться к Сашиному быстрому шагу.

Он довел ее до арки и, когда в проеме показался двор, спросил:

– Вам сюда?

– Да-да, сыночек, спасибо, дальше я сама дойду.

Она остановилась, чтобы передохнуть, и он улыбнулся ей на прощанье.

Глава 1

Людмила Куренкова возвращалась с работы, когда уже начало светать. Работа ее находилась буквально за углом – круглосуточный продуктовый магазин. Вообще-то сегодня была не ее смена, но сослуживица очень просила подменить на несколько часов, и Люда согласилась – чего не пойти навстречу хорошему человеку, тем более ни мужа, ни детей у нее не было, только старый сибирский кот Игнат, который большую часть суток спал, развалившись на хозяйской кровати.

Утренняя заря сначала робко лизнула край серебристо-серого неба розовым лучом, а потом ярко осветила каждую складочку синевы небрежно смятой поспешно ушедшей из города ночью.

Люда почти не смотрела под ноги, она думала о том, какие именно дела ей надо переделывать и что хорошо бы еще съездить на рынок и забежать к маникюрше. Когда она ойкнула, натолкнувшись на лежащее в арке тело, то сначала подумала, что это пьяный бомж, а когда увидела алые пятна, превратившиеся в застывшие лужи, закричала от ужаса и бросилась прочь сломя голову. Во дворе она натолкнулась на соседа Ивана Кузьмича, который выгуливал крохотного щенка своего внука.

– Люда! – воскликнул он. – Что с тобой? На тебе лица нет!

– Там! – запинаясь, выговорила она. – Там, в арке лежит кто-то и кровь.

– Так что же ты бежишь, пойдем посмотрим, может, живой, «Скорую» надо вызвать, – он на ходу достал сотовый и набрал 03.

Людмила взяла на руки подбежавшего щенка, прижала к груди и опустилась без сил на скамейку. Щенок повозился и успокоился у нее на коленях.

Дошедший до места Иван Кузьмич склонился над распростертым человеком, вздохнул и, снова достав сотовый, нажал на 02. После вызова полиции Иван Кузьмич наконец понял, что именно показалось ему странным: у парня были расстегнуты брюки и отрезано мужское достоинство.

Пенсионер прислонился к стене и стал лихорадочно ощупывать свои карманы в поисках нитроглицерина. Старик не был слабым, он воевал и много чего в жизни повидал, но такое изуверство видел впервые. До приезда полиции он успел кое-как отдышаться.

Дальше все пошло по накатанной колее. Осмотр места преступления, вспышки фотоаппарата, работа медэксперта, криминалистов и опрос свидетелей.

В конце концов, дело было передано следователю Наполеонову Александру Романовичу. И, конечно, не вызвало у него бурного восторга. Александр Наполеонов сидел, нахохлившись, как воробей в отсутствие хлебных крошек, и упорно вчитывался в протокол первоначальных показаний свидетелей, хотя уже после первого прочтения ему было понятно, что там нет ни одной зацепки, ни одного намека. Свидетелей нужно было опрашивать заново, хотя навряд ли они сообщат что-то новое, но помочь раскрытию дела мог любой пустяк, любая упущенная сотрудниками на месте преступления деталь.

* * *

За окном бушевала весна. Соловьи заливались не только ночью, но и днем, умолкая разве что только когда становилось не по-майски жарко. Мирослава бросила на лужайку ковер и растянулась на нем с книгой. Тут же рядом улегся Дон, его черная длинная шерсть искрилась на солнце и переливалась теплыми оттенками шоколадного и коричневатого цветов. В тени же кот казался черным.

– Зато у него золотое сердце, – любила говорить Мирослава Волгина, хозяйка кота и владелица частного детективного агентства «Мирослава».

Морис Миндаугас, работавший в агентстве и в целях экономии средств и времени живший в доме Мирославы, стоял на крыльце. Работа в агентстве пришлась ему по вкусу, и он не торопился возвращаться на родину в Литву. Хотя причиной его желания остаться в России была не столько работа, сколько работодательница...

Посмотрев на разнежившихся на солнце Мирославу и кота, Морис взял книгу, которая с вечера дожидалась его в плетеном кресле, спустился по ступеням на лужайку и уселся с краю на ковре.

Мирослава немного подвинулась – располагайся удобнее.

Дона, конечно, тревожить ни в коем случае было нельзя, но места было достаточно, чтобы устроиться, не задевая кота.

– Как вы думаете, – спросил Морис, – у нас скоро снова появится работа?

– Скорее всего, да, – отозвалась Мирослава, – хотя я с удовольствием побездельничала бы недельки две. Тем более что деньги у нас есть...

– Может быть, съездить на Волгу? – спросил Морис. – День стоит замечательный, хотя купаться, конечно, еще рано.

– Мне нравится твоя идея, – отозвалась Мирослава.

Но не успели они подняться с ковра, как зазвенел колокольчик... Морис пошел узнавать, кто же к ним пожаловал, и скоро вернулся со следователем Александром Наполеоновым, или Шурой, как называли его друзья. С Мирославой и ее двоюродным братом Шура дружил с детства, а с Морисом успел подружиться после того, как Миндаугас стал работать в детективном агентстве.

Секрет был прост – Шура большой любитель поесть, и он просто не мог устоять перед кулинарными способностями Мориса. Но на этот раз он был явно не расположен к застолью, на нем вообще просто лица не было.

– Шура! – Мирослава вскочила с ковра, задев при этом случайно Дона, который пошевелил хвостом в знак недовольствия, но хозяйка этого даже не заметила.

– Пойдем в дом, – сказала она Наполеонову.

Шуру усадили на кухне на его любимое место, поставили перед ним чашку чая и тарелку с пирожными «Наполеон».

– Рассказывай, что случилось, – сказала Мирослава.

– Я есть не хочу, – проговорил Шура, – а чаю выпью.

– С Софьей Марковной все нормально? – спросила не на шутку встревоженная Мирослава.

– С мамой? – вяло отозвался Шура. – Да...

И вдруг встрепенулся:

– А почему ты спрашиваешь?!

– Шура! Да ты же как в воду опущенный! Я тебя таким и не помню!

– Ох, ребята, у меня такое дело, – он махнул рукой.

Но от Мирославы отделаться общими фразами было невозможно, и она вытащила из Шуры все, что ему было известно.

Детективы склонились над фотографиями с места преступления. Брюки потерпевшего в районе молнии были залиты кровью, а лицо исказила гримаса из смеси изумления и боли.

– По-моему, это маньяк, – пробормотал побледневший Миндаугас. – Не может нормальный человек такое сотворить!

– У тебя есть какие-то версии? – обратилась Мирослава к Наполеонову.

– Пока никаких. На завтра вызвал свидетелей, может, хоть что-то прояснится, хотя сам я в это не верю.

– Понятно...

– А ты, Слава, что думаешь?

– Думать я буду, когда ты допросишь повторно свидетелей. А пока поешь, позвони Софье Марковне, скажи, что заночуешь у нас, и ляг отдохнуть.

– Вы куда-то собирались? – спросил Шура.

Мирослава несколько не удивилась пронизательности своего друга детства.

– Да, хотели на Волгу съездить.

– Так езжайте, мне Дон компанию составит.

Кот, услышав свое имя, бросил на Шуру благосклонный взгляд своих янтарных глаз и сладко зевнул.

– Да нет, – сказала Мирослава, – мы лучше все вместе ближе к вечеру съездим. Как ты на это смотришь, Морис?

– Положительно, – отозвался тот.

Шура благодарно кивнул и отправился в свою комнату, которая была закреплена за ним в доме Мирославы и называлась Шуриной или в шутку иногда «наполеоновской». Он разделся, постоял минут десять под теплым душем, а потом забрался в постель, пахнущую лавандой, и проспал три с половиной часа. Когда он спустился вниз, его уже ждал легкий перекус, после чего они вчетвером поехали на Волгу. За рулем «БМВ» сидел Морис, а Шура с Мирославой и Доном устроились на заднем сиденье.

Поставив машину на стоянку, они прошли по главной аллее Загородного парка и спустились вниз по лестнице. Дон все это время сидел на плече Мирославы. Пляж был безлюдным и казался совсем диким...

Жемчужная пена, шипя, накатывала на золотистый песок и с тем же тихим звуком откатывалась назад, пытаясь утащить с собой гладкие камушки и обрывки водорослей. Вдали колыхались лодки, мимо проносились катера. На горизонте вырисовывались горы. И все это целительно воздействовало на душу, располагало к успокоению.

О деле в этот вечер больше не было сказано ни слова. Мирослава с Шурой вспоминали, как они барахтались здесь во времена своего детства под присмотром Шуриной мамы или Мирославиных теток. А Морис просто задумчиво смотрел на реку и представлял, что видит перед собой Балтийское море...

Дон, подрыгав всеми лапами и избавившись от большей части песка, залез к нему на колени, прикрыл глаза и замурлыкал. Рука Миндаугаса стала машинально гладить шелковистую шерсть кота.

– Эх, как не хватает Витьки, – вздохнул Шура.

Мирославе тоже не хватало присутствия двоюродного брата, о котором она часто вспоминала и сильно скучала, но она ничего не сказала, перевернулась на живот и стала бросать в волны гладкие коричневые камешки. Мимо, на расстоянии всего нескольких метров, прошел прогулочный теплоход. Звуки музыки и смех долетели до берега.

Они и не заметили, как наступил вечер. Закат был настолько алый, что казалось, будто уходящий день накинул на плечи пурпурный плащ и, отвернув золотистый лик, не оглядываясь, бросил на воду горсть ослепительно переливающихся бликов.

Мирослава встала, потянулась с кошачьей грацией и обронила:

– Все, мальчики, пора домой. Шура завтра вставать рано, и день ему предстоит нелегкий.

Мальчики безмолвно подчинились. Добравшись до дома, Шура почувствовал, что общение с друзьями подействовало на него до такой степени благотворно, что в нем проснулся волчий голод.

– А мы ужинать будем? – спросил он робко.

Морис и Мирослава переглянулись и весело рассмеялись.

– Как же без этого, – сказал Морис, и вскоре в доме запахло тушеным мясом, овощами и земляничным зефиром.

После ужина они немного посидели молча на крыльце. В саду пахло черемухой и сиренью. Звезды мерцали так низко, что казалось, были нанизаны на ветви и сами представлялись диковинными цветками, распустившимися на деревьях.

Неожиданно зазвучал голос Мирославы:

Звезды низкие повисли,
Тихо цокает ручей.
Я вхожу в пространство мыслей,
В тишину ночных лучей.
В плавность медленного света,
В пену звездного ковша...
И едины до рассвета
Небо, Полночь и Душа.

– Чьи стихи? – спросил Шура, который был большим любителем поэзии и сам писал песни.

– Тетины. Сегодня утром мне на имейл сбросила.

– Угу, – отозвался Наполеонов.

Тетя Мирославы, Виктория Волгина, была известной писательницей. Она умудрялась сочинять не только стихи, но и детективы, романы, повести, рассказы о жизни, любви и даже пьесы.

* * *

В 9 часов утра Александр Романович уже сидел в своем кабинете, полдесятого в дверь постучали, и Людмила Куренкова неуверенно вошла в кабинет следователя.

– Здравствуйте, – как можно приветливее произнес Наполеонов. – Садитесь, пожалуйста.

Женщина вздохнула и села на стул, перекрестив весьма недурственные, на взгляд Александра Романовича, ноги, и тихо произнесла, глядя на свои сжатые руки:

– Я ведь тогда все сказала...

– Да вы не волнуйтесь, – улыбнулся следователь, – просто мне детали некоторые нужно уточнить. Вы ведь не против?

– Не против. Спрашивайте.

Шура посмотрел на милое, типично русское лицо Людмилы с вздернутым курносом носиком и россыпью веснушек.

Женщина смутилась...

– Вам идет, – улыбнулся Шура.

– Что?

– Веснушки, говорю, вам очень идут.

– Правда?

– Да, лицо у вас от них солнечное.

– Спасибо, – улыбнулась свидетельница и немного оттаяла.

– Вы, Людмила Сергеевна, в тот вечер, вернее, в ту ночь, с работы возвращались?

– Да, я напарницу свою подменяла. Мы дружим. А ей надо было...

– Это неважно, – приободрил ее Шура. – Вы не помните, который был час?

– Это не ночь уже была, – ответила она серьезно. – Светать начинало, я с работы ушла без двадцати пять, так что, – она запнулась, но, преодолев себя, продолжила: – Около пяти я его и нашла.

– И что вы заметили? На что обратили внимание?

– Я... я даже не знаю. Там кровь была. Я сильно испугалась! Какое-то шестое чувство подсказало мне, что он неживой, и я побежала. А во дворе был Иван Кузьмич. Я ему все рассказала, и он пошел посмотреть.

– А у вас был с собой сотовый? – спросил Шура.

– Да, в сумке.

– Почему же вы не вызвали «Скорую», полицию?

– Я... я не знаю, я так испугалась, весь разум из головы вылетел, и только страх, даже не страх, а ужас какой-то. Я ничего не соображала, пока не столкнулась с Иваном Кузьмичом.

– А потом?

– Потом он ушел, а я осталась со щенком.

– С каким щенком?

– Ну, Иван Кузьмич выгуливал щенка своего внука, он каждое утро его рано выгуливает, бессонница у него. Я его взяла, щенка то есть, и прижала к себе. Потом не помню, сколько времени прошло, пришел Иван Кузьмич и ваши сотрудники. Они меня тоже спрашивали, и я все рассказала.

– А вы часто ходите этой дорогой?

– Да, всегда.

– Вам ничего не показалось странным в лежащем мужчине?

– Нет, я его не разглядывала. Иван Кузьмич потом сказал... – Она покраснела до самых корней волос.

Наполеонов не стал заострять внимания на этом факте.

– А когда вы шли домой, вам навстречу никто не попался?

– Нет, никто.

– Может, вы слышали шум автомобиля за аркой или во дворе?

– Нет, только на дороге, но они всегда там идут, ночью их, конечно, меньше.

Шура тяжело вздохнул.

– Я ничем вам не помогла, – неожиданно для следователя расстроилась Куренкова.

– Ну почему же, ваши показания важны для следствия. Спасибо, вам, Людмила Сергеевна, за то, что вы выполнили свой гражданский долг.

– Я могу идти?

– Конечно. Вот возьмите пропуск.

– Спасибо, до свидания.

– До свидания, – улыбнулся Наполеонов, хотя ему было ох как невесело.

Второй свидетель появился в половине одиннадцатого.

Иван Кузьмич Фомичев решительным шагом прошествовал в кабинет, сел на стул напротив следователя и окинул его придирчивым взглядом.

– Я Александр Романович Наполеонов, следователь, – представился Шура.

– Иван Кузьмич Фомичев – гражданин, ныне пенсионер.

– Иван Кузьмич, я пригласил вас, чтобы задать несколько вопросов.

– Я так и понял.

– О совершении преступления вы узнали от Людмилы Сергеевны Куренковой?

– Да, от Люды. Она была не в себе от страха, я толком ничего не понял и пошел посмотреть. Зашел в арку, сделал несколько шагов и увидел его, позвонил по 03, потом по 02 и только потом заметил...

– Понимаю, – сказал Шура.

– Это понять невозможно, – проговорил Иван Кузьмич, – я много чего повидал за свою жизнь, но такое изуверство встречаю впервые.

Следователь молча смотрел на пожилого мужчину и понимал его состояние. Иван Кузьмич вызывал у Наполеонова симпатию. Седые густые волосы, ясные серые глаза, четко очерченный рот, волевой подбородок. Такого мужчину и в сто лет язык не повернется назвать стариком. Резкие морщины на лбу и шрам на левом виске только усиливали его харизму. Было видно, что человек не просто катился по жизни, не плыл по течению, а именно жил в полном смысле этого слова.

– Скажите, – спросил Иван Кузьмич, – вы найдете его?

– Преступника? Мы очень постараемся.

– Его обязательно надо найти! – Мужчина грохнул кулаком по столу следователя. – У вас версии есть?

– Пока нет.

– Может, это сатанисты? Или секта какая-то? Я недавно читал, что существуют скопцы.

– Эту версию нельзя сбрасывать со счетов, – согласился Шура, который тоже был наслышан о такой секте.

* * *

Прошло двое суток, за которые, как ни печально это было признавать, следствие не продвинулось ни на шаг в сторону раскрытия преступления.

А весне, казалось, и дела не было до людских проблем. С каждым днем она все ярче расцветчивала всевозможными оттенками сочную зелень листвы и травы. Отовсюду плыл густой опьяняющий аромат. Хотелось радоваться, влюбляться, парить в мечтах.

* * *

На распростершееся окровавленное тело наткнулась влюбленная парочка, возвращавшаяся из клуба.

– Вы сошли с автобуса? – спросил следователь.

– Да.

– Дальше?

– Мы пошли через парк.

– Не страшно ночью через парк?

– По дороге идти на полчаса дольше, а мы хотели поскорее добраться до дома. И потом, светло было как днем, луна светила вовсю, ведь полнолуние, да и вообще ночи стоят ясные.

– Пожалуй...

– У нас настроение было хорошее, – сказал парень, представившийся Юрием. – Мы шли, разговаривали, смеялись, хотели поцеловаться, сошли с тропинки, там еще дуб такой большой, и тут... Короче, увидели его. Янка сразу завизжала, а я смотрю, у него брюки расстегнуты и кровью все залито, потом уже сообразил, что члена у него нет. Самому плохо стало. Ну, мы на аллею вышли и полицию вызвали.

– А «Скорую»?

– Зачем? – удивился Юра. – Было видно, что она ему не нужна.

– Вам никто навстречу не попался?

– Вроде нет...

– Только мы слышали какое-то постукивание, когда в парк вошли, – сказала Яна.

– Какое постукивание? – заинтересовался Наполеонов.

– Ну, вроде лошадь или лось идет.
– Откуда там может быть лошадь или тем более лось?
– Может, он через Волгу переплыл. А лошадь запросто, там днем на лошадях катают всех желающих. Может, она ногу повредила и заблудилась... – предположила Яна.
«Возможно, но маловероятно, – подумал Наполеонов. – Кто же это лошадь без присмотра на ночь в парке оставит». Но вслух не сказал ничего.

* * *

– Что у тебя? – спросила Мирослава Шуру, когда он приехал поздно вечером.
– Второй...
– Понятно.
– Я уж пока поживу у вас, не могу перед матерью с таким лицом появляться. Как я ни улыбайся, она догадается... Придется врать, а мне не хочется.
– Все я понимаю, – ответила Мирослава. – Лучше расскажи, кто жертва.
– Пока не установили. Но парень совсем молодой, видно, что при жизни был симпатичным блондином.
– Кто его обнаружил?
– Влюбленная парочка решила сократить дорогу, пошли через парк и на него наткнулись.
– Ничего подозрительного, конечно, не заметили?
– Не заметили, – подтвердил Шура, – но что меня больше всего удивляет, так это никаких следов борьбы. Должен же человек насторожиться, если кто-то нападает на него ночью?
– Вероятно, жертва не ожидала нападения...
– Значит, напавший был ей хорошо знаком?
– Не обязательно, сам знаешь...
– И все-таки нужно быть очень легкомысленным, чтобы не опасаться ночью незнакомцев, тем более в наше время.
– Ты рассуждаешь верно, но, вероятно, убийца сумел усыпить бдительность жертвы.
– Считаешь, что это мог быть полицейский? – быстро спросил Наполеонов.
– Не обязательно. Преступник мог быть в форме полицейского. Но и это не факт.
– Ну не ребенок же это был?!
– Мог быть подросток. Подростки как раз и отличаются особой агрессивностью, набрасываются, как волчата.
– Это если их несколько...
– Да, но похоже на то, что убийца был один...

Они еще долго строили различные версии и сами же опровергали их одну за другой. Слабое сияние тонкого месяца окутывало земной мир трепетным, почти нереальным светом. Спать они улеглись ближе к утру, когда Дон и забравший кота к себе Морис Миндаугас уже видели девятый сон.

Тем не менее Наполеонов вскочил спозаранку. Морис соорудил ему трехслойные бутерброды с сыром, ветчиной и листиками зелени. Сам Миндаугас такую еду не одобрял, но перевоспитывать следователя не спешил. Шура запил бутерброды крепким чаем и был таков. Прошло два часа. Солнце уже светило вовсю, а Мирослава не появлялась.

– Что-то заспалась твоя хозяйка, – проговорил Морис, обращаясь к коту.
– Мур, – обронил кот, старательно вылизывая лапу.

Миндаугас уже распечатал все документы, которые она просила приготовить к десяти утра, и поэтому решил узнать, проснулась она или нет. Он приблизился к спальне Мирославы и тихо постучал.

– Заходи, – донесся ее полусонный голос.

Он вошел и застыл в дверях. Мирослава лежала в постели, едва прикрывшись тонкой простыней.

– Я, пожалуй, зайду позже, – пробормотал Морис, залившись румянцем.

– Миндаугас! Ты что, никогда женщин в постели не видел? – фыркнула она.

Но он уже закрыл за собой дверь.

– Фух! – произнесла Мирослава. – Придется вниз спускаться, что за наказание такое с этим чувствительным субъектом.

Она сладко потянулась, точно так, как потягивается Дон. Спрыгнула с кровати и пошла в душ.

Морис ждал ее внизу. Почему он сбежал из ее спальни? Потому что... Потому что с самой первой встречи, может быть, с первого взгляда был равнодушен к ней. Но признаваться ей в этом он не спешил. Пусть лучше она об этом пока не догадывается. Морису было известно, что у Мирославы были романы с мужчинами. И сейчас, как ему казалось, у нее кто-то был... Он не знал, кто, и знать не хотел. Шура как-то обронил, что там ничего серьезного...

И с губ Мориса невольно сорвалось:

– Зачем же тогда она с ним встречается?

Шура усмехнулся.

– Разве ты не слышал, что секс полезен для женского здоровья...

– Что?!

– Да ладно, не бери в голову.

Но Морис не мог не брать этого в голову, это сидело в его голове и день и ночь. Он надеялся, что совместная работа и проживание в одном доме сблизят их и Мирослава обратит на него внимание не только как на ценного сотрудника, но и как на мужчину. Но она все не обращала...

А ведь Морис привык, что девушки пленялись им быстро и всерьез. Ему было неизвестно, что Мирослава придерживалась правила – не заводить романов с теми, с кем работаешь или сотрудничаешь. По ее мнению, это свело бы качество работы на нет.

* * *

Были опрошены охранники, работавшие на стоянке возле парка в ночь убийства. Результат нулевой. Никого подозрительного они не заметили, никакого шума не слышали. Опрос таксистов также ничего не дал. Занимающихся частным извозом опросить не было никакой возможности. Хотя, возможно, именно кто-то из них мог бы поведать что-то интересное. И вдруг в половине второго дня раздался звонок. Звонивший, заикаясь, попросил следователя Наполеонова.

– Да, слушаю, – отозвался Шура.

– Я тут... Понимаете, какое дело, короче, я узнал, что вы опрашивали водителей насчет подозрительных пассажиров.

– Да, я вас внимательно слушаю, – подбодрил звонившего Наполеонов.

– Так вот, я как раз подвозил одного в этот день.

– От Загородного парка?

– Нет, от Соколовского оврага. Он проголосовал, и я остановился. Попросил подбросить его до Безымянского переулка.

– Далековато...

– Мне по пути было.

– И что?

– Короче, довез я этого мужика прямо до дома.

– Вы описать его можете?

- Могу, тока я чего звоню-то...
- А вы где сами сейчас находитесь?
- На Ставропольской. Дома. Обедаю. Я и звонить-то не хотел. А жена говорит, что надо.
- Диктуйте адрес, я подъеду.
- Полицию домой бы не хотелось... Соседи и все такое.
- Не беспокойтесь, я буду в штатском и на своей машине.
- Ладно, пишите адрес. На домофоне наберете 3.

Через полчаса Шура уже поднимался по лестнице. Дверь распахнулась еще до того, как он успел к ней подойти. На пороге стояла милая худощавая женщина в неновом, но чистом и аккуратно выглаженном халатике.

- Наполеонов, следователь.
- Проходите. Иван на кухне чай пьет. Присоединяйтесь.
- Спасибо. От чашки чая не откажусь.

Когда он вошел на кухню, высокий шкафообразный мужчина поднялся ему навстречу и по-медвежьему сгреб руку Шуры.

– Я Иван Воскобойников. У меня личная «Газель». В тот вечер я у свояка картошку взял. Он нам из деревни два мешка привез. Ну, еду я домой, а тут этот мужик голосует – подвези, мол. Чего ж не подвезти. Но вот незадача, уже утром я салон осматривал, прибраться хотел, а там лужа застывшая кровяная.

– Вы мыли салон?

– Хотел, да она, – он кивнул в сторону жены, – говорит: «Ваня, надо сообщить куда следует». Я махнул рукой, а тут Венька, дружок мой, он на стоянке работает, поделился, что машину искали, вроде преступление совершилось в тот вечер. Я тут и струхнул! Вот, думаю, попаду, как кур в оцип. Вдруг это я его, бандита-то, и вез?

- У вашего пассажира было что-то в руках?
- Было. Сумка такая большая клетчатая...
- А вы запомнили дом, возле которого высадили его?
- Запомнил. И мужика того легко узнаю.
- По каким приметам?
- Да ни по каким, рожа у него запоминающаяся.

Составление портрета Наполеонов пока решил отложить.

- Эксперты осмотрят вашу машину и возьмут образцы.
- Да за ради бога, правда, Маша? – обратился он к жене.

Та согласно кивнула и пододвинула Наполеонову вторую чашку чая и вазочку с конфетами.

– Спасибо, – проговорил следователь, сделал пару глотков и вышел в коридор. По сотовому вызвал экспертов и спустился вниз к «Газели».

Увы, ниточка, за которую надеялся зацепиться Шура, оказалась ложной. Экспертиза установила, что кровь принадлежит животному.

Тем не менее он послал лейтенанта Славина обойти жильцов подъезда, в который зашел мужчина, и опросить всех – не возвращался ли кто поздно ночью в тот день. Пассажир «Газели» нашелся довольно быстро. Он сообщил, что ездил забивать бычка на улицу рядом с парком и расплатились с ним мясом. Показал выстиранную сумку и замороженное мясо. Охотно назвал адрес, по которому ездил.

- А почему вы ехали так поздно?
- Так поехал-то я туда после работы, пока провозились, потом хозяйка покормила ужином, ну и выпили с хозяином по маленькой, обмыли, так сказать, бычка помянули...
- Почему не остановили машину возле парка?
- Так не было там машин. Дошел пешком до оврага и тормознул «Газель».

Вопросов к ночному пассажиру больше не осталось. Следствие снова оказалось в тупике.

* * *

Мирослава, каждый день лицезреющая мрачного Шуру, была бы рада ему помочь... Но пока светлые мысли не приходили и в ее голову. Морис, просиживая за компьютером, собрал информацию о множестве сект и культов, но нигде не встречался подобный ритуал.

– Может, что-то новенькое, не попавшее в Сеть? – спросила Мирослава.

– Может, но маловероятно...

* * *

Аллу Симакову, лежащую без сознания, обнаружил возвращавшийся с ночной смены сосед Анатолий Митрофанович Фатенков. Он сразу вызвал «Скорую», решив, что девушка упала с лестницы или ее кто-то толкнул. После чего Анатолий Митрофанович заметил, что на лестничной площадке выше еще кто-то лежит. Он почему-то решил, что это сосед-алкоголик из 14-й квартиры, и даже грешным делом подумал, не он ли толкнул Аллу по пьяному делу. Но, присмотревшись, Фатенков понял, что с мужчиной что-то не то. Поднявшись, он сам чуть не потерял сознание и не сверзился с лестницы – у мужчины были расстегнуты брюки и отрезан член.

С трудом взяв себя в руки, Фатенков спустился к месту, где лежала Алла, и вызвал по сотовому полицию, которая приехала почти мгновенно. Мужчина был незнаком Анатолию Митрофановичу. И как ни пытались сотрудники полиции хоть что-то еще узнать от расстроенного мужчины, им это не удалось.

Пришедшая в себя Алла рассказала, что она возвращалась со свидания, парень проводил ее до подъезда, она зашла и стала подниматься по лестнице, в подъезде было темно, на первом этаже отсутствовала лампочка. Алла поднялась на площадку второго этажа и включила свет. Тут она увидела его, в ужасе попятилась назад, и дальше она ничего не помнит.

Скорее всего, девушка попятилась, не удержала равновесия и упала, скатившись с лестницы. Врачи констатировали у нее легкое сотрясение мозга, переломов, к счастью, удалось избежать. От госпитализации девушка отказалась, хотя молодой врач со «Скорой» долго пытался убедить ее в том, что неразумно рисковать своим здоровьем. Наконец Алла согласилась съездить сделать рентген и позвонила своему парню, чтобы он забрал ее из больницы.

Следователь отправил вместе с девушкой оперативника Рината Ахметова, которому было поручено взять свидетельские показания у молодого человека. Игорь Русланов примчался в больницу и был отловлен Ринатом в коридоре. Он представился и успокоил парня как мог.

– Пока вашей девушке делают рентген, мы с вами поговорим.

– Господи, о чем?! – взмолился Русланов.

– Расскажите мне о вчерашнем вечере, вернее, с того места, как вы подошли к подъезду Аллы.

– Подошли как обычно, – начал рассказывать смирившийся Игорь. – Алла вошла в подъезд, а я пошел на остановку.

– Почему вы не проводили ее до квартиры?

– Ну, мы уже встречаемся не первый месяц, и я поднимаюсь в квартиру, если только остаюсь у нее ночевать, – пожал он плечами.

– Вы никого не заметили поблизости, когда расставались с Аллой?

– Нет, никого.

– На стоянке возле дома было много припаркованных машин?

– Я не обратил внимания. Но, по-моему, все было как обычно.

- Когда вам встретился первый прохожий?
- Когда вышел из Аллиного двора, по улице, как всегда, шли люди, по дороге ехали машины, – ответил он несколько растерянно.
- И ничего подозрительного?
- Нет...

* * *

Дама, прогуливавшаяся во дворе с собакой, увидев вышедшего из подъезда оперативника, бросилась к нему со всех ног.

- Я Волоокая Валентина Герасимовна!
- И что? – растерянно спросил оперативник.
- Я видела!
- Преступника?
- Нет, старушку!
- Старушку?
- Не смотрите на меня так!
- Как?
- Как на сумасшедшую!
- Гражданочка...
- Нет, послушайте, я видела старушку, которая вышла из подъезда. Оперативник сделал попытку уйти, но дама схватила его за рукав и громко зашептала:
- Старушка точно кого-то видела!
- Кого?
- Убийцу! – сделал большие глаза, воскликнула Волоокая.
- С чего вы это решили?
- У нее глаза были как полтинники.
- Так, может, это от вашей собачки. Все-таки бультерьер. Волоокая одарила его уничтожающим взглядом.
- Опишите старушку, – сдался он.
- Ну, она седая, сухая, с палкой.
- Все?
- Ну...
- Вот, – возмутился оперативник, – вы не можете как следует описать пожилую даму и в то же время уверенно судите о ее глазах.
- На нее падал лунный свет! – парировала Валентина Герасимовна.
- Но он падал не только на глаза, а на все лицо!
- Волоокая презрительно фыркнула.
- Глаза были как полтинники, поэтому луна в них отражалась, – пояснила она снисходительно.
- «Тьфу!» – плюнул про себя оперативник, а вслух сказал, что эти показания непременно помогут следствию, и, мило улыбнувшись, вырвался из ее цепких рук.
- Но разговор со свидетельницей он все-таки законспектировал и передал следователю.

Глава 2

Хмурый Наполеонов сидел в своем кабинете и думал о том, что это уже третий случай. Все потерпевшие – красивые молодые мужчины. И нет следов борьбы или хоть какого-то сопротивления. Каждого сначала ударили ножом в грудь, а потом лишили мужского достоинства. После исследования крови и кожных покровов медэксперты пришли к выводу, что член отрезали после гибели жертвы. Собственно, это и так понятно. Кто же позволит кромсать себя живьем, если руки-ноги не связаны. А следов связывания обнаружено не было.

Вопрос в другом – куда дели отрезанные органы? Выбросили в мусорный контейнер? Или унесли с собой? Просто ни в какие рамки не укладывается! Если это дело рук какой-то секты, то понятно, зачем им отрезанные органы. Относят своему идолу, совершают какие-то ритуалы... Или это действует маньяк? Допустим, кто-то по какой-то причине, например, в результате несчастного случая, лишился самого дорогого для мужчины и теперь мстит самым красивым и сексуальным парням? Придется проверить эту версию.

Наполеонов пересматривал в который раз копии заключений судебно-медицинской экспертизы. Он надеялся, что преступник оставит на месте преступления хоть какие-то следы, но, увы, пока ничего. Биологическое исследование крови, взятой с мест преступлений, показало, что вся она принадлежит только жертвам.

Все преступления совершались в ночное время, но следов машины тоже не прослеживалось. Допустим, в городе их обнаружить затруднительно, но и в безлюдном парке следов шин нет. Конечно, преступник мог оставить автомобиль на стоянке, но возле парка только платная стоянка, и никто не оставлял там автомобиль в ночь преступления. Припарковался прямо на шоссе? Однако не мог же преступник из разных районов города ночью, когда общественный транспорт не ходит, добираться пешком? Ловил попутку? Но ведь следы крови должны остаться на его одежде...

А что, если он был в темной одежде и они просто не бросались в глаза и не привлекали внимания? Или накидывал на себя что-то после совершения преступления? Куртку, жилет... Могло такое быть? В принципе могло.

Ну и что делать? Опросить всех бомбил просто нереально. Хоть в газету давай объявление типа: «Следователь просит сообщить всех, кто кого-то подвозил в такие-то числа от таких-то мест, информацию о своих пассажирах. Вознаграждение гарантируется». Наполеонов тяжело вздохнул.

Была, правда, одна странность: эксперты сообщили, что убивали жертву одним ножом, а отрезали органы другим. И так во всех трех случаях. Непонятно: зачем преступнику носить с собой два ножа? Или все-таки это кощунство творили приверженцы какой-то доселе неизвестной секты? Наполеонов потер начавшие ныть виски.

– Вот только мне головной боли в прямом смысле не хватало, в переносном она у меня уже имеется, – пробормотал он вслух.

Незаметно пролетела или проползла, но все равно незаметно, еще одна неделя. Наполеонова постоянно мучила какая-то тревога. Все ниточки, которые, как ему казалось, он находил, обрывались одна за другой.

Сегодня он снова с раннего утра сидел у себя в кабинете.

Неожиданно влетела секретарша Элла:

– Вам тут одна женщина звонит, говорит, что у нее есть подозрения относительно одного человека. Соединить?

– Соедини.

Но едва Наполеонов попросил женщину представиться, как она извинилась, сказала, что, вероятно, ошиблась номером, и положила трубку. Наполеонов выругался себе под нос и

поспешно задействовал возможности полиции по установлению номера телефона звонившей. Но, увы, найти гражданку не удалось, так как оказалось, что она звонила из уличного автомата. Единицы из них все еще работали в затерянных уголках города. Наполеонову же почему-то казалось, что женщина что-то знает, и он винил себя, что не сумел вызвать у нее доверие во время короткого телефонного разговора.

В середине дня ему принесли новое дело, открыв его и увидев фотографии, следователь сразу понял, что это работа их уникама – полицейского фотографа Валерьяна Легкоступова.

Наполеонов не выдержал, позвонил фотографу на сотовый и зарычал:

– Какого черта ты устроился работать в полицию, а не в модельный бизнес?! Чего ты тут наснимал?!

– У тебя есть претензии к качеству фотографий? – бесстрастным голосом спросил фотограф.

– К качеству – нет! – И следователь швырнул в ярости трубку.

К концу дня кто-то снова позвонил Наполеонову, а когда он снял трубку, никто не отозвался. Тишина казалась идеальной, но вдруг он услышал какой-то рычащий звук. Шура включил запись. Трубку довольно быстро положили. На этот раз удалось выяснить, что звонили из отделения одной из больниц города.

Главврач, пожилой сухенький старичок в очках, кажется, купленных им еще при советской власти, разрешил следователю пройтись по отделению, заставив надеть халат и бахилы, но не спрашивая об ордере, которого у Наполеонова, естественно, не было. Благодаря стоворчивости доктора Шура уже через полчаса знал, что рычащий звук издавал старый, выпущенный, как и очки главврача, еще в советское время холодильник. Этот агрегат в прямом смысле рычал, как не вовремя потревоженный медведь. Холодильник находился рядом с постом медсестры. Когда Шура попросил разрешения поговорить и уединился с ней в ординаторской, девушка выглядела напуганной. Но по опыту следователь знал, что нервозность еще вовсе не означает вину.

Девушка представилась Анжелой. Сидя напротив Шуры, она то и дело поправляла свои крашенные под блондинку волосы. Корни же свидетельствовали, что Анжела была жгучей брюнеткой. Ее смуглая кожа тоже подтверждала это.

– Вы не волнуйтесь, – сказал Наполеонов, – мне просто нужно уточнить некоторые детали, и я рассчитываю на вашу помощь. Вы ведь поможете мне, Анжела?

Она кивнула и облизала пухлые губы.

– Ну вот, я хотел бы узнать – вы вчера отлучались в двадцать минут четвертого?

– Я не помню. Мы ведь на месте не сидим. То одно приходится делать, то другое. Так что, вполне возможно, я отлучалась в это время.

– Скажите, а холодильником пользуются пациенты какой-то одной палаты?

– Да нет, что вы! Всех пяти.

– Но ведь холодильник довольно маленький? – прикинулся следователь наивным.

– Так вот, кто успеет, тот и займет место своими продуктами.

– Понятно.

– А вчера кто-нибудь просил у вас разрешения позвонить?

– Да, баба Катя, то есть Екатерина Матвеевна. Я еще потом ее ругала, она попросила на минутку, а говорила, наверное, минут двадцать. И если бы я ее не отогнала, так и висела бы на телефоне целый час.

– А кроме Екатерины Матвеевны, еще кто-нибудь спрашивал разрешение позвонить?

– Нет... – Девушка замялась.

– Ну, смелее, – приободрил ее Шура.

– Видите ли... Кто-то мог и без спроса, когда я отлучалась.

– Действительно, кто-то мог. Большое вам спасибо, Анжела, вы мне очень помогли.

Щеки девушки вспыхнули румянцем.

– Ну что вы, – тихо отозвалась она и юрко, как мышка, выскользнула из ординаторской.

Наполеонов снова вернулся к главврачу и попросил его предоставить ему список всех больных. Список этот он получил. Но главный врач, потирая переносицу, заметил, что, кроме больных, в это время в отделении были посетители.

– Много?

Доктор пожал плечами.

– Спасибо вам, – промолвил Шура и покинул больницу.

Началась кропотливая проверка всех, кто находился на лечении, которая в итоге оказалась безрезультатной. Никто из пациентов ранее не попадал в поле зрения правоохранительных органов, и, как и следовало ожидать, никто не признался в звонке следователю. Можно было еще опросить, кто к кому приходил в этот день, и сосредоточиться на посетителях. Но людей, как всегда, не хватало, и следователь решил отложить их проверку на потом.

Однако этим же вечером, когда он наскоро заскочил домой переодеться и, заметив свою маму занимающейся с учениками, отправился к Мирославе, в голове его настойчивым молотком стучала мысль, что проверить нужно и людей, приходящих проведать больных.

Сидя после ужина в беседке, где они втроем наслаждались наступающим вечером, Шура поделился своими соображениями с Мирославой. И она предложила:

– Если ты сумеешь представить меня главврачу как твою сотрудницу, то я смогу сделать эту работу за тебя.

– Правда, Слава? – обрадовался Шура, как ребенок, которому подарили расписной пряник.

Она с улыбкой кивнула в ответ.

– Дай я тебя расцелую! – Шура бросился чмокать Мирославу.

– Да подожди ты! – Она, смеясь, легонько его оттолкнула. – Сначала нужно результат получить.

Было решено, что Волгина отправится беседовать с пациентами отделения прямо завтра. Больше они не говорили о делах, а просто наслаждались красотами разгорающегося заката. Казалось, кто-то взял и обмакнул розовый лоскут закатного неба в чернила. И потекли густые полосы, перемежаясь то с трогательной зеленью, то с пронзительной синевой, то с алыми сполохами.

– Хорошо как! – произнесла Мирослава.

И парни молча согласились с ней.

* * *

Прямо с утра Шура и Мирослава уехали в больницу воплощать задуманное, а Морис с Доном остались дома. Морис уселся у компьютера. Дон улегся на кресле рядом с его столом.

Морис Миндаугас появился в жизни Дона не так давно. Кот долго присматривался и принюхивался к нему, но Морису удалось завоевать его доверие, и теперь кот в глубине души был уверен, что Миндаугас стал членом его семьи. Вот только хозяйка о решении своего кота не догадывалась.

Главврач все так же безропотно согласился разрешить Мирославе побеседовать с больными, правда, с тем условием, если они сами не будут возражать.

– Об этом не беспокойтесь, – одарила его обезоруживающей улыбкой Мирослава.

Доктор почему-то смутился и, протерев полый халата сорванные с лица очки, сослался на занятость и исчез в коридорах отделения. Наполеонов тоже распрощался с Мирославой до вечера, попрощив, правда, позвонить, если ей удастся узнать что-то относящееся к делу.

Опросить всех пациентов женской половины отделения, располагающихся в пяти палатах, оказалось делом нелегким. Возраст дам колебался от восемнадцати до семидесяти восьми. Они все как одна признались, что пользуются телефоном, расположенным возле сестринского поста. Хотя звонить оттуда в принципе не положено. Но соблазн велик, потому как бесплатно.

Трудность заключалась в том, что сама Мирослава голоса той женщины не слышала. Следователь был уверен, что звонившая ему была молодой. Однако Мирослава по опыту знала, что некоторым дамам удается сохранять молодой голос до преклонного возраста. Например, одна из соседок, живущая в доме ее родной тети Зои, не так давно переступила девяностолетний рубеж и при этом разговаривала голосом пятилетней девочки... Так что под подозрением были все. Беседуя с той или иной женщиной, Мирослава прислушивалась к их голосам, имея в виду и то, что по телефону голос может звучать не совсем так, как в обычной жизни.

Самым трудным делом оказались разговоры с пожилыми женщинами, так как почти все они были словоохотливы не в меру. В результате Мирослава затратила на опрос пациенток не один, а целых три дня. Прерывать никого из них она не собиралась и как губка впитывала каждое слово. Ведь не исключено, что за историей о внучке, щенке, соседях по даче, урожае и погоде прошлого года последует что-то важное. И вот одна из них обронила, что видела Юленьку, когда та сняла трубку, набрала номер, чего-то ждала, а потом повесила ее. Когда же Варвара Степановна спросила, не мужу ли она звонила, у Юленьки сделалось перепуганное лицо.

– Вот как? – переспросила Мирослава заинтересованно.

– Да, да, – сказала Варвара Степановна, довольная произведенным эффектом, – я даже скажу вам больше! – Она сделала красноречивую паузу и продолжила: – У Юленьки есть любовник!

– И он навещает ее в больнице? – осторожно поинтересовалась Мирослава.

– Ночью! – выпалила старушка.

– Ночью? – недоверчиво переспросила Волгина.

– Ну не днем же! У Юленьки есть муж. То ли крутой бизнесмен, то ли политик, видать, из бывших бандитов.

– Почему вы так решили, Варвара Степановна?

– Посудите сами – ездит на «БМВ» и лысый.

– Ну... – протянула Мирослава, слегка растерявшись, – «БМВ» может быть не только у бандитов, – она невольно вспомнила о своем автомобиле, – и лысина тоже не признак бандитизма.

– Если бы это была обыкновенная лысина, в том смысле, – усмехнулась старушка, – когда умные волосы сами покидают дурную голову, то да, не признак. Но он бреет свою голову! Зачем?!

– Причины могут быть разными. Но вы считаете, что Юля боится своего мужа?

– Опасается, – кивнула Варвара Степановна.

– А с чего вы взяли, что по ночам она встречается с любовником? Ведь отделение и саму больницу закрывают.

– Ха! – сказала старушка. – Они же не в больнице встречаются.

– А где же?

– В чапыжнике! – выпалила продвинутая бабушка.

– Где? – переспросила Мирослава удивленно.

– В кустах! Тут же не парк больничный, а целый лес.

– То есть Юлия выходит ночью в парк?

– Выходит, – довольно кивнула Варвара Степановна.

– Каким образом?

– Спускается по пожарной лестнице.

– Вы сами это видели?

Пожилая женщина довольно кивнула.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее, – попросила Волгина.

– Один раз я заметила, что у Юли порван низ халата, и сказала ей об этом, а она, не подумав, проговорила: «Ой, наверное, об лестницу зацепилась».

– Я спрашиваю: «Юленька, о какую лестницу?», а она уже язык прикусила и стала выкручиваться, мол, на второй этаж спускалась на рентген и там оступилась и зацепилась. Но я не поверила ни одному ее слову. Вечером свет потушили, я притворилась, что сплю, даже захрапела для правдоподобия. Слышу, Юля вертится на кровати, а потом встала и на цыпочках вышла из палаты, я спустя минуты три за ней. Крадусь по коридору и вижу, Юля на лоджию вышла, где пожарная лестница. Я еще немного подождала, выглянула и увидела, как она спускается. Потом от дерева отделилась мужская фигура, бросилась к ней, и они стали обниматься.

«Просто мисс Марпл», – подумала Мирослава, уважительно поглядев на пожилую даму.

– Варвара Степановна, большое вам спасибо за рассказ, у меня к вам просьба: не говорите ничего Юлии.

– Ни слова! Обещаю! – Варвара Степановна сделала жест, показывающий, что она навесила на свой рот замок.

Мирослава невольно улыбнулась. Детектив опросила всех остальных женщин, потом вышла в парк и позвонила Наполеонову.

– Как дела? – буркнул он уныло.

Она хотела ответить в тон ему – как сажа бела, но решила не мучить друга детства и сказала:

– Шура, минут через двадцать позвони на сестринский пост и попроси к телефону Юлию Архипову, а потом внимательно слушай.

– Ты думаешь, это она звонила?

– Не знаю. Надеюсь, об этом мне скажешь ты.

Через двадцать минут из коридора закричали:

– Архипова! К телефону!

– Кто там меня спрашивает? – спросила на бегу Юлия.

– Не знаю, мужик какой-то, – ответили ей.

Мирослава увидела, как Юля взяла трубку и проговорила:

– Алло.

Сердце девушки замерло. Муж всегда звонил ей на сотовый. А Сеня... Сеня мог позвонить только в экстренном случае... Трубка безмолвствовала.

– Алло, алло! – быстро проговорила Юлия и тихо спросила: – Сеня?

Потом добавила:

– Вас не слышно! Говорите громче.

Но трубка отключилась. Юлия нашла женщину, которая позвала ее к телефону.

– Катя, ты уверена, что звонили мне?

– Мужик попросил позвать к телефону Юлию Архипову. Вот я и позвала тебя. Другой Архиповой у нас в отделении нет.

– Понятно, – промямлила Юлия, – спасибо.

Она ушла в туалет и долго оттуда не появлялась. Мирослава не знала точно, чем там занимается Архипова. Может, тайно курит? Она учуяла едва ощутимый запах сигарет, когда стояла рядом с девушкой. Когда же Юлия вышла из туалета, глаза у нее были красными.

«Неужели плакала?» – подумала Волгина.

И тут она увидела идущую навстречу Юлии Настю Бессонову. В палате кровати девушек стояли рядом. Соседка Юлии явно что-то собиралась сказать, но что-то ее остановило. Возможно, она заметила Мирославу. В то же время детектив была уверена, что во время их

беседы с Варварой Степановной Насти поблизости не было. Да и сама беседа не могла вызвать подозрения, так как все женщины уже привыкли к тому, что Волгина ведет с каждой из них разговоры наедине. С Настей Мирослава тоже разговаривала, но ничего не узнала, кроме того, что Настя пользуется только сотовым телефоном, а за остальными не следит. Мирослава не стала звонить Шуре на работу и выяснять, знаком ли ему голос Юлии Архиповой. Постояв на крыльце, она решила, что неплохо было бы повидаться с Люсей...

Недолго думая, она отправилась в автосервис своей подруги. Вернее, мастерской Людмила Стефанович заправляла вместе со своим отцом Павлом Степановичем, который любил пошутить: «Прикинь, я по отчеству Степанович и по фамилии Стефанович, два в одном, как теперь говорят».

– Для двух в одном одна буква не совпадает, – говорили ему.

– Одна не считается, – отмахивался он.

У Павла Степановича были золотые руки, широкая душа и... пышные пшеничные усы. Всех, кто к нему приходил, он неизменно потчевал крепким чаем из пивных кружек, а на столе всегда лежали горкой конфеты «Мишка косопалый». Когда Мирослава на этот раз без звонка явилась в контору сервиса, то застала Павла Степановича в полном одиночестве.

– Здравствуйте, дядя Паша, а где Люся?

– Здравствуй, Славочка, коли не шутишь, Люся в гараже. Позвонить?

– Не надо. Она там надолго?

– Да нет, минут через двадцать придет. Давай я тебя пока чаем напою.

Вскоре Мирослава уже сидела за столом и пила чай из пивной кружки.

Засунув в рот конфету, она стала аккуратно разглаживать фантик.

– Сколько себя помню, всегда вы угощаете этими конфетами.

– Всю жизнь я к ним неровно дышу, – согласился Павел Степанович и улыбнулся, – но представь только – о том, что мишек нарисовал не Шишкин, а его дружок Константин Савицкий, узнал совсем недавно.

Мирослава кивнула, задумавшись о чем-то своем.

К реальности ее вернул голос отца подруги:

– Просто представить себе невозможно, что бы это было за утро в сосновом лесу без мишек!

– Пожалуй, в этом лесу было бы слишком пусто, – согласилась Мирослава.

– Вот! – обрадовался Павел Степанович. – И конфеток таких у нас бы не было. Вернее, конфеты были бы, но назывались совсем иначе.

– Думаю, что наши посиделки в вашем гараже от этого многое потеряли бы.

– О чем и речь!

Дверь распахнулась, и в комнату влетела Люся.

– Привет, подруга! – радостно завопила она с порога. – Чего не позвонила-то?

– Хотела чаю напиток с дядей Пашей, – отшутилась Мирослава.

– Ты по делу или как? – Людмила подмигнула подруге.

– Или как, – призналась Мирослава.

– Тогда пойдем посидим в нашем кафе.

И, обращаясь к отцу, проговорила:

– Пап, у меня перекур.

Тот только рукой махнул. Мирослава тепло попрощалась с Павлом Степановичем, а Люся чмокнула отца в щеку, отчего тот, как всегда, смутился и замахал на нее двумя руками. Люся с хохотом вылетела из кабинета, догнав Мирославу. Она схватила подругу за руку и потащила к миниатюрному кафе, которое появилось в автосервисе совсем недавно и которым Люся страшно гордилась.

Мирослава предложила расположиться на крохотной терраске, где стояло всего два столика. Основным украшением там служили цветущие петунии, расположенные в ящиках в два яруса. Вскоре юный официант принес им свежую клубнику, мороженое, чай для Мирославы и кофе для Людмилы.

– Мы будем постепенно расширяться, – сказала Людмила.

Мирослава кивнула.

– Хорошо у вас тут.

– Папа сначала отнесся к моей идее открыть кафе довольно прохладно, но, когда увидел, что люди охотно посещают его, признал, что я была права.

– Мне тоже нравится твоя идея, – улыбнулась Мирослава, – особенно цветочки.

– А мне – официант.

– То-то я вижу, ты отказалась от дискриминации мужчин и взяла-таки на работу парня.

Подруги засмеялись.

– А ты чего без Мориса приехала? – спросила Люся.

– На хозяйстве остался, – попыталась отшутиться Мирослава.

– Очень уж он у тебя умный! Аж страшно! И строгий, – вздохнула Людмила.

Мирослава улыбнулась.

– И чего улыбаешься?! Ты хоть скажи, он в постели-то как?! Ничего?!

– Ничего, – кивнула Мирослава.

Убеждать подругу в том, что между ней и Морисом чисто рабочие отношения, было пустой тратой времени. Тот факт, что мужчина и женщина живут в одном доме и спят в разных кроватях, казался ей чистой воды кощунством. Хотя сначала Мирослава и пыталась донести это до Стефанович, но та только фыркала в ответ.

– Не хочешь говорить родной подруге! – укоряла Люся.

– Извини, ты же знаешь, я достоинства своих мужчин ни с кем не обсуждаю.

– Это да, – вздохнула Людмила, – но должны же быть у тебя какие-нибудь недостатки.

Мирослава хмыкнула.

– А я сейчас с одним встречаюсь. Такой жеребец! В любое время суток может, хоть днем, хоть ночью. Только глупый очень.

– Тогда зачем он тебе?

– За этим.

– Не пойму я тебя, Люся, вроде ты не дура...

– Где тебе понять мою мятущуюся душу! – вздохнула та. – Я как этот! – Она расставила руки, точно крылья. – Вот, вспомнила, буревестник!

– Не вижу связи между революционной птицей и твоими жеребцами, – усмехнулась Мирослава.

– Может, я о кентавре мечтаю! – вздохнула подруга.

– Зачем он тебе? – изумилась Мирослава.

– А Королевой зачем?!

– Кому?

– Ну, Наташе Королевой! У нее же Тарзан.

– Извини, но муж Наташи все-таки не кентавр, а земной мужчина.

– Эх! Ты рекламу не смотришь! – отмахнулась подруга. – Видела бы ты его в стойле!

Мирослава не выдержала и расхохоталась.

А потом проговорила:

– Той рекламе сто лет!

И снова засмеялась.

– Прекрати! – обиделась Людмила.

– Не могу! – всхлипнула от смеха Мирослава.

- Я вот обижусь и не буду тебе рассказывать о своих романах.
- Хорошо, хорошо, – перестала смеяться Мирослава.
- Хотя у нас с тобой все получается в одни ворота.
- Это еще почему?
- Ну как почему?! Я тебе рассказываю, а ты мне – нет.
- Но мои романы и романами-то назвать сложно, – проговорила Мирослава неопределенно.
- Но ведь с Морисом у вас все серьезно? – Людмила прилипла взглядом к лицу Мирославы.
- Люся! С Морисом у нас ничего нет! – не выдержала Мирослава.
- Ага! Так я тебе и поверила! Будешь темнить – я его сама соблазню!
- Соблазняй на здоровье.
- И ты ни капельки не ревнуешь?
- Ни капельки.
- Честно-честно?
- Честно-честно. Ты меня уже об этом сто раз спрашивала.
- Так я начну охоту?
- Начинай, – улыбнулась Мирослава, – только ты ее, по-моему, еще и не прекращала.
- Ага, знала бы ты, как меня Шурка отшил.
- Ты что, и к Наполеонову приставала?! – не поверила своим ушам Мирослава.
- Да нет! Шутишь, что ли, – отмахнулась Люся, – он меня из-за Мориса шуганул.
- А...

* * *

Когда она добралась до дома, в воздухе уже разливались лиловые сумерки. Мирослава тихонько открыла дверь, вошла в холл и на что-то налетела.

- Ой! – Сумка выпала из ее рук.
- Не хотел вас напугать, – проговорил из темноты Морис.
- Ты и не напугал.

Они оба наклонились, чтобы поднять сумку... От удара их лбов полетели такие искры, что, казалось, они на секунду осветили темноту. Минуту спустя их пальцы встретились на выключателе. Яркий свет озарил холл. Мирослава подошла к зеркалу и прислонилась к нему лбом.

- Что вы делаете? – удивленно спросил Морис.
 - Пытаюсь предотвратить появление шишки, – ответила она.
- Морис вздохнул, встал рядом и прислонил лоб к прохладному серебристому стеклу.
- А что делаешь ты? – спросила Мирослава, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.
 - Выражаю солидарность, – ответил он сердито.

- И тут она расхохоталась.
- Не вижу ничего смешного.

Но Мирослава буквально всхлипывала от смеха и вытирала слезы. И Миндаугас невольно тоже начал смеяться. Их веселье было бесцеремонно нарушено нетерпеливым звонком. Оба знали, что за нетерпеливый поздний гость нажимает на кнопку звонка, неистовствуя возле ворот. Конечно, это был Шура Наполеонов.

- Ты чего это в уличной одежде? – спросил он, придирчиво осмотрев Мирославу.
- Я только что пришла.
- А что это у тебя на лбу?
- Шишка, наверное...

– С кем же ты подралась?

– С ним! – Мирослава указала на Мориса.

Шура перевел взгляд на Миндаугаса и недоуменно спросил:

– Ребята, вы что, бодались?

– Что-то в этом роде, – отозвался Морис.

– Ну, вы даете, – и тут же перевел разговор в более актуальное для него русло: – У вас хоть какая-то еда в доме есть?

– Есть, – успокоил его Морис.

По традиции все деловые вопросы обсуждались после еды. Но уже во время десерта они начинали обмениваться информацией и задавать друг другу вопросы.

– Шур, ты узнал голос Архиповой? – спросила Мирослава.

– Да, я почти на 99,9 % уверен, что звонила мне она.

Мирослава подробно рассказала все, что узнала от Варвары Степановны о Юлии.

– Так-так, – сказал Шура, – завтра узнаю все о ее муже. А вот с любовником проблема, ведь мы даже фамилии его не знаем. Да и имя Сеня может быть сокращенным как от Арсения, так и от Семена.

– Неплохо было бы проследить за влюбленной парочкой, – задумчиво проговорила Мирослава.

– И как ты себе это представляешь? – спросил Шура.

– Очень просто. Если она спускается по пожарной лестнице и на самом деле встречается с любовником, то твой человек, затаившись поблизости, может заснять их в, мягко говоря, компрометирующих видах.

– Ты что же, предлагаешь мне заняться шантажом? – изумился следователь.

– Почему сразу шантажом? Тебе же не деньги нужны, а информация.

– Все равно.

Не слушая его, Волгина сказала:

– Нужно поручить это дело Легкоступову, он нам таких фоток наснимает, закачаешься.

– Это уж точно, – не мог не согласиться с ней Наполеонов, – а что потом?

– А потом я ее разговорю, – сказала Мирослава.

– Ты уверена?

– На все сто!

– Но ведь...

– Ты хочешь раскрыть это дело?

– Еще как, – тяжело вздохнул он.

– Значит, вы уверены, что она изменяет мужу? – тихо спросил Морис.

– Мы предполагаем, – осторожно сказал Шура.

– Ну, не с другом же детства она встречается по ночам, – усмехнулась Мирослава.

– А вы подумали о том, что ее муж действительно является опасным человеком и просочившаяся информация может погубить влюбленную парочку?

– Информация не просочится, – уверенно заявила Мирослава.

– Но...

– Никаких «но». Я имею в виду, от нас. Юлия сама виновата, не надо быть такой беспечной.

– Она же не могла знать, что рядом с ней в палате лежит сыщица.

– Что ж, нужно было внимательнее ознакомиться с творчеством Агаты Кристи, – усмехнулась Мирослава.

Миндаугас замолчал, так как уже знал, что спорить с Мирославой бесполезно: если она решила что-то сделать, то сделает это непременно. Да и Наполеонов, судя по всему, изначально возражал против ее плана только для вида.

Глава 3

Личности трех жертв уже установлены.

Первый, обнаруженный в арке продавцом Куренковой, Александр Васильевич Косицын, шел со свидания с девушкой. Родители его встревожились в тот же вечер, ночью они уже обзванивали больницы, а утром – друзей Александра. Номера телефона его девушки они не знали. Сама же девушка встревожилась лишь после того, как Александр не позвонил ей в течение дня и не ответил на ее звонки. Только после этого она осмелилась позвонить на его домашний телефон и узнала от отца, что Саша домой не пришел. Полиция приняла заявление на третий день, и вечером его уже опознал родной дядя.

Ни родственники, ни друзья не смогли сказать ничего, что помогло бы следствию. На работе его охарактеризовали как отличного молодого специалиста, подававшего большие надежды. Любимая девушка Александра Татьяна винила во всем себя. В тот вечер они расстались позже обычного. А если бы она отправила его домой раньше, то ничего бы такого с ним не случилось.

– Это я, я во всем виновата, – повторяла она сквозь слезы.

– Ни в чем вы не виноваты, – попытался переубедить ее следователь.

Но ничего у него из этой попытки не получилось. Близкий друг Косицына сказал, что Саша всегда ходил домой через арку.

– Собственно, через нее ходят все, кто там живет. И мы, когда ходили к Саше, тоже через эту арку шли.

– Мог ли кто-то там специально поджидать вашего друга? – спросил на всякий случай следователь.

– Не думаю, да и зачем?

– Может, у Александра были враги?

– Не было у него никаких врагов.

Однако позднее выяснилось, что враги все-таки быть могли, вернее, один враг. Дело в том, что свою девушку Александр отбил у своего коллеги Бурякова Станислава Владимировича. Косицын и Буряков были приятелями, даже вместе ездили отдыхать в Адлер два года назад, но восемь месяцев назад Буряков привел в ресторан, где отмечали юбилей другого коллеги, свою девушку Таню Пономареву. И так случилось, что Таня весь вечер танцевала не со Станиславом, с которым пришла, а с Сашей Косицыным. Как потом говорила влюбленная пара, у них случилась любовь с первого взгляда. Буряков же все принял настолько близко к сердцу, что не смог видеть Косицына каждый день и уволился из фирмы, хотя имел перспективы роста и продвижения по службе.

Таня утверждала, что она больше никогда не видела Бурякова, и она не верила, что Станислав мог мстить, тем более таким изувеченным способом. На вопрос, угрожал ли ей или Саше Буряков, она ответила твердо – нет. Сослуживцы тоже не слышали угроз. Выходило так, что они даже и не выясняли отношения. Просто после того, как Татьяна сказала, что она любила Сашу и будет с ним встречаться, Буряков написал заявление на увольнение. Вот и вся история...

Наполеонов же решил, что необходимо все же встретиться с Буряковым и выяснить, есть ли у него алиби на время убийства Косицына. Адрес он без труда получил в фирме и вечером следующего дня поехал домой к Бурякову. Предварительно звонить ему Наполеонов не стал, уверенный в том, что неожиданность – лучшая союзница следователя. Он нажал на звонок нужной ему квартиры, и ему открыли, даже не спросив, кто там... По лицу открывшего мужчины следователь догадался, что он кого-то ждал.

Удивленно посмотрев на Наполеонова, мужчина спросил:

- Вам кого?
- Если вы – Станислав Владимирович Буряков, то вас.
- Да, это я. А кто вы?
- Следователь Александр Романович Наполеонов.
- Следователь? – казалось, еще больше удивился хозяин квартиры. – И зачем я вам понадобился?
- Мы можем пройти в квартиру?
- Я, вообще-то... Впрочем, ладно, проходите.
- Вы кого-то ждете?
- Да, телевизионного мастера, он обещал приехать с минуты на минуту.
- Я вас надолго не задержу...
- А что случилось-то?
- Убит Александр Васильевич Косицын.
- Сашка?! Как, то есть, убит? Кем?
- Мне бы тоже очень хотелось это знать.
- Наполеонов посмотрел на растерянное лицо Бурякова и спросил:
- Что вы делали вечером одиннадцатого числа этого месяца?
- Вы подозреваете меня? – догадался Буряков.
- Мы всех подозреваем.
- Что я делал одиннадцатого числа? – задумался Станислав. – А одиннадцатого у меня был отгул!
- Он хлопнул себя по лбу.
- И десятого тоже. А девятого вечером мы с Чижиком уехали на рыбалку. И вернулись только двенадцатого около десяти вечера.
- Кто может это подтвердить?
- Чижик, конечно.
- Он что, умеет разговаривать?
- Что вы имеете в виду? – недоуменно спросил Станислав.
- Ну, ваш чижик, он что, разговаривает?
- Он болтает, – рассмеялся Станислав, – не закрывая рта. Чижик – это Анатолий Чижов, мой приятель.
- Его адрес, телефон.
- Да, пожалуйста. – Станислав продиктовал следователю то, что он требовал.
- А кроме Чижика, может это кто-то еще подтвердить?
- Моя соседка Мария Никифоровна. Я ей рыбы дал, а то девать некуда, а у них семья большая.
- Еще есть кто-то?
- Если вы съездите в деревню Калачевскую, то подтвердят родичи Чижика.
- У Чижова родственники живут в деревне?
- Да, родители и два брата. Мы у них околачивались все время, что не удили.
- Давайте адрес деревни и родственников, – вздохнул следователь.
- Вы серьезно туда ехать хотите? – усмехнулся Буряков.
- Придется...
- Давайте я вам лучше сотовый отца Чижика дам.
- Давайте.
- Записав номер сотового Чижова-старшего, Наполеонов спросил:
- Когда вы в последний раз видели Александра Косицына?
- В последний день своей работы на прежнем месте, – вздохнув, ответил Буряков.
- А Татьяну Пономареву?

– За день до подачи заявления об увольнении, – помрачнел Буряков.

– Она дала вам от ворот поворот?

– Да, Танька сказала, что теперь будет встречаться с Сашкой, что у них любовь с первого взгляда.

– А вы?

– Что – я?

– Вы, наверное, ее любили?

– Почему любил, я ее и сейчас люблю.

Наполеонов с любопытством посмотрел на Станислава.

– Почему же вы отступили без боя?

– Что вы имеете в виду? – удивился Буряков.

– Вы могли бы сражаться за свою девушку.

– Драться, что ли? – усмехнулся Буряков и добавил печально: – Сердцу не прикажешь.

А кулаками ничего не докажешь.

– Возможно, вы и правы, – согласился Наполеонов и спросил: – И вы никогда больше не пытались увидеть Татьяну?

– Нет, – он помотал головой, – зачем душу себе травить.

– Что ж, пока у меня к вам вопросов больше нет, но, если появятся, не обессудьте, потребу.

– Чего уж там, – вздохнул Буряков, – не маленький, понимаю.

В это время в дверь позвонили.

– Вот и ваш телевизионный мастер, – сказал Наполеонов, направляясь к двери.

– Надеюсь, – пробурчал Станислав, топая следом за ним.

Наполеонов осторожно обошел вломившегося в квартиру великана с улыбкой во весь рот, спросившего: «Мастера вызывали?»

– Вызывали, – не менее радостно отозвался за его спиной Буряков.

И у следователя, грешным делом, промелькнула мысль: совсем не приходу мастера так бурно радуется хозяин квартиры.

Станислав Владимирович не отрицал, что по-прежнему любит Таню Пономареву. И теперь у него снова появился шанс на взаимность. Наполеонов, пожалуй, и вцепился бы в Бурякова, несмотря на его алиби, если б не одно «но». И заключалось это «но» в том, что все три жертвы были убиты одним и тем же способом.

Следователь сел за руль своей белой «Лады Калины» и выехал со двора. Примерно через пятьдесят минут, ругая сквозь стиснутые зубы пробки на дорогах, он въехал в другой двор. Здесь в одном из уютных двухэтажных домиков, построенных еще в первой половине прошлого века, не так давно жил убитый вечером в парке Матвей Иванович Малов. Следствию уже было известно, что Малов после второй смены всегда ходил через парк. Торопился попасть домой. Жил Матвей Иванович вместе со старенькой матерью, разведенной сестрой Ольгой Ивановой Касьяновой и маленькой племянницей Аришей.

Следователь заранее позвонил Ольге Ивановне, и она предложила встретиться не у них дома, а во дворе. Ей не хотелось лишний раз травмировать и без того убитую горем мать. Наполеонов, несмотря на то что это было для него не слишком удобно, согласился, хотя сначала хотел вызвать Касьянову к себе. Но потом передумал. Подъехав к дому, он собрался позвонить Ольге, но тут заметил стоящую на крыльце женщину, которая явно кого-то ждала. Увидев машину, она быстрым шагом зашпешила к ней. Наполеонов опустил стекло.

– Вы следователь? – спросила она, пристально вглядываясь в его лицо.

– Он самый, садитесь, в машине поговорим, чего торчать на радость всем любопытствующим, как три тополя на Плющихе.

Она кивнула и, проскользнув в салон, села на сиденье рядом с ним.

– Вы не против, если я объеду дом и остановлюсь там?

Она согласно кивнула. Наполеонов остановил машину позади дома, в небольшой аллее, засаженной старыми тополями.

– Вы давно живете здесь? – спросил он.

– Давно, с самого рождения. Правда, я не жила здесь два года: когда вышла замуж, поселилась в квартире мужа, вернее, у свекрови, но, когда не срослось, вернулась к маме и брату вместе с дочкой.

Наполеонов кивнул и тихо спросил:

– А ваш брат жил здесь всегда?

– Да.

– Он не был женат?

– Нет, – тихо вздохнула женщина.

– Но девушки у него, конечно, были?

– Конечно, – подтвердила она. – Но какое отношение это имеет к убийству моего брата?

– Не знаю, – признался он, – но зато знаю по опыту, что иметь отношение к преступлению может все, что угодно.

Она пожала плечами.

– Я понимаю, что вам трудно говорить о брате, и, возможно, некоторые мои вопросы покажутся вам бестактными, но...

– Я понимаю, – перебила она, – спрашивайте.

– Были ли среди девушек брата такие, с кем он плохо расстался?

– В смысле?

– Возможно, он на ком-то из них обещал жениться?

Она горько усмехнулась:

– Вы мыслите несколько патриархально.

– Возможно. Но девушки по-прежнему стремятся выйти замуж.

– Честно говоря, брат никогда не обсуждал со мной своих девушек, и я почти ничего не знаю о его личной жизни.

– А кто может знать?

Она задумалась.

– Если только Володя.

– Кто это?

– Его близкий друг. Они даже в армии вместе служили.

– Имя, фамилия, адрес.

– Владимир Челдышев. Живет в доме напротив, в 6-й квартире.

– Телефон?

– Не знаю.

– Он женат?

– Да, у него маленький ребенок.

– А работали они вместе?

– Нет.

– Не знаете, ваш брат не брал у кого-то взаймы?

– Нет, – твердо сказала она.

– А сам никому не давал денег в долг?

– Нет.

– Не ссорился ли он с кем-то из знакомых или на работе?

– Нет. На работе его ценили. Весь цех был на похоронах, и именно завод взял на себя почти все финансовые затраты.

– Может быть, вашему брату поступали звонки с угрозами?

– Нет, что вы!

– И вы, Ольга Ивановна, никого не подозреваете?

– Я уверена, что Матвей был случайной жертвой.

– Хорошо, спасибо, я довезу вас до подъезда.

– Нет, спасибо, я выйду здесь, мне надо еще в магазин забежать.

Он помог открыть дверь, и она вышла. Наполеонов же вернулся во двор и зашел в подъезд дома напротив. Дверь 6-й квартиры ему открыла совсем молодая женщина с грудным ребенком на руках.

– Следователь Наполеонов Александр Романович, – представился он.

Она посмотрела на него удивленно.

– Вы жена Владимира Челдышева?

Она кивнула.

– Мне нужно поговорить с вашим мужем.

На ее лице отразился испуг.

– Зачем?

– Он был давним другом Матвея Малова, которого...

– Да-да, я знаю, – быстро заговорила она, – но Володи нет дома. Он на работе.

Она хотела закрыть дверь, но Наполеонов не дал ей этого сделать.

Вместо этого он спросил:

– Как вас зовут?

– Марина.

– Ну так вот, Марина, вам нечего бояться. А поговорить вашему мужу с нами, так или иначе, придется.

– Но Володя же был в это время дома, и он ничего не знает.

– У вашего мужа есть сотовый?

Она кивнула.

– Продиктуйте мне номер.

Тяжело вздохнув, она продиктовала требуемые цифры.

– До свидания, – сказал он и, не оглядываясь, спустился с лестницы.

«Почему она так волнуется? – думал Наполеонов. – Просто странно».

Позднее Мирослава представила ему два объяснения на выбор. Первое – женщина только родила, и психика ее может пока еще быть неустойчивой. Вторая причина может заключаться в том, что ее мужа в тот вечер не было дома.

– Как это – не было? – удивился Шура. – Где же он, по-твоему, мог быть?

– Он мог задержаться на работе, пойти с друзьями в кафе.

– В то время, как жена с грудным ребенком дома? – хмыкнул Наполеонов.

Мирослава пожала плечами.

– И, наконец, он мог быть у любовницы.

– С ума сошла!

– Ты просил версии, я тебе их назвала.

– И что мне теперь прикажешь делать с твоими фантазиями?

– Забыть или проверить каждую из них.

Наполеонов вздохнул.

– Вечно ты из меня веревки вьешь.

Несмотря на все его показное недовольство, и он сам, и Мирослава знали, что версии эти он проверит.

– Морис может пойти пообщаться с соседями, – предложила Мирослава.

– Он не работает в полиции, – буркнул Шура.

– Но зато среди соседей Челдышева непременно отыщутся девушки и дамы, которые за одни красивые глаза Миндаугаса и его завораживающую улыбку не только расскажут все, что они знают о Владимире и его семье, но и поведают тайны его предков до седьмого колена.

– Вы преувеличиваете, – тихо сказал Морис.

– Но ненамного. А у тебя, Шура, вечно работников не хватает, – заметила она с укоризненной иронией.

– Я, что ли, в этом виноват?! – тотчас ощетинился тот.

– Не ты. Но тебе предлагают помощь.

– Можно подумать, что я отказываюсь, – пробурчал Наполеонов.

Шура выбрал на блюде кусок пирога, который показался ему самым большим. Хотя Морис умудрялся нарезать их так, что они почти все были одинаковыми.

Вздыхнув, он решил взять два. А когда запил их чаем, спросил:

– И когда, викинг, вы отправитесь покорять дам и барышень, живущих в одном подъезде с Челдышевым?

– Завтра, – вместо Мориса ответила Мирослава, – но почему же только одного подъезда. Он охватит весь двор. Неизвестно, где можно получить информацию.

– Эдак он целый месяц проходит, – проворчал Наполеонов.

– Я управлюсь быстрее, – вклинился не выдержавший Миндаугас.

На том и порешили. И никто из них троих не подозревал, что необходимую информацию дадут Морису вовсе не юные барышни и прекрасные дамы, которые и впрямь зачарованно на него глядели, а милые старушки, немало пожившие не только на этом свете, но и в данном дворе.

На следующее утро Миндаугас уехал довольно рано, надеясь застать тех, кто собирается на работу. Начал он с квартиры, расположенной рядом с квартирой Челдышевых. Дверь ему открыл кряжистый мужчина средних лет. Одет он был в старую рубашку и поношенные брюки, заляпанные краской.

– Здравствуйте, – произнес Морис с легким акцентом, – могу я увидеть хозяев этой квартиры?

Миндаугас раскрыл перед лицом мужчины свое удостоверение.

Мельком взглянув на удостоверение частного детектива, мужчина, представившийся Серегой, заявил Морису, что он бы с радостью помог правоохранительным органам, но не в теме, так как здесь не живет и никого не знает.

– Но вы же здесь, – резонно заметил Морис.

– Так я здесь временно. Ремонт делаю. Хозяева уехали за границу отдыхать, а мне оставили ключи.

– А когда они вернутся?

– Уже скоро, – обрадовал его Серега, – через три недели.

Мориса, естественно, такой ответ не обрадовал, но он вежливо поблагодарил мужчину и, когда тот закрыл дверь, направился к другой квартире, надеясь, что там ему повезет. Но ни на звонок, ни на стук никто не отреагировал.

– Нет там никого, – пробурчал Серега, приоткрыв свою дверь, – они рано уходят на работу.

– Спасибо.

Но Серега уже скрылся.

Дверь квартиры напротив открыла барышня лет шестнадцати. Она уставилась на Мориса и не могла оторвать глаз.

– Я Морис Миндаугас, частный детектив, вот мое удостоверение.

– Как интересно, – пропела девушка.

– Дома есть кто-нибудь из взрослых?

– Я сама взрослая, – сморщила маленький курносый носик девушка и озорно стрельнула в него светло-голубыми глазами, – заходите.

– Я думаю, что мы можем поговорить и здесь, – оставаться с юной прелестницей в закрытой квартире не входило в его планы. За то время, что Морис жил в России, он успел многому научиться.

Барышня пожала плечами:

– Как хотите, – в ее голосе послышалось разочарование.

– Как вас зовут? – спросил Морис.

– Инна.

– Инна, скажите, пожалуйста, вы хорошо знаете своих соседей из шестой квартиры?

– Челдышевых, что ли? – хмыкнула она.

– Да.

– Володьку – с детства, – ответила девушка и добавила с улыбкой: – Разумеется, с моего.

А Маринку не очень. Он привел ее, когда у нее уже пузо на нос лезло.

– А Владимир Челдышев жил здесь раньше один?

– Зачем один, – пожала она плечами, – со своими родителями, дядей Васей и тетей Леной.

– Куда же они делись?

– Съехали пять лет назад. Дяде Васе квартиру от работы дали, а эту они Володьке оставили.

– Значит, Владимир жил здесь до женитьбы один? – уточнил Морис.

– Да. И как говорит моя бабуля – шалман водил.

– Кого водил? – не понял Миндаугас.

– Не кого, а что, – усмехнулась девушка. – Шалман. Ну, друзей своих, девчонок.

– Понятно. И вы, наверное, знали Матвея Малова?

Она кивнула.

– Конечно. Они с Володькой были друзья не разлей вода.

– Челдышев и Малов не ссорились?

– Нет, – покачала она головой, – если и дрались, то всегда на одной стороне.

– А с кем они дрались? – заинтересовался Морис.

– С пацанами, когда подростками были. Но я это не очень хорошо помню, так как маленькая еще была.

– Скажите, Инна, а Марина и Владимир хорошо живут?

– Нормально, только Маринка иногда ругается.

– Из-за чего?

– Ну, как вам сказать... – Она лукаво улыбнулась.

– Желательно так, как есть, – попросил он и улыбнулся девушке в ответ.

– Эх, была не была, – притворно вздохнула она, – нехорошо выдавать чужие тайны, но ради вас...

Она многозначительно умолкла.

Губы Мориса снова дрогнули в нежной улыбке.

– Короче, у Володьки была раньше другая девушка. Но они почему-то резко расстались, и он женился на Маринке. А Маринка уже была беременная. Бабушка говорит, что он женился на ней по залету. И вот теперь Маринка его ревнует.

– К кому?

– Ну, к этой его бывшей любви.

– Он ей дает повод?

– Кто ж его знает, – ответила Инна.

– А где ваша бабушка? – осторожно спросил Морис.

– На даче, вместе с дедом.

– А родители?

– В другом городе деньги зарабатывают.

– А вы не любите дачу?

– Почему не люблю? Люблю. Но у меня экзамены на носу, – вздохнула Инна.

– Ой, простите, – воскликнул Морис, – я вас отрываю.

– Ничего страшного, – успокоила она его поспешно, – приятно пообщаться с красивым взрослым парнем.

Морис опешил от такой откровенности и поспешил ретироваться. Инна посмотрела, как он спускается с лестницы, вздохнула и закрыла дверь.

Этажом ниже, в 1-й квартире, жила пара молодых ученых. Открыв дверь и выслушав Мориса, они объяснили, что квартиру сняли два года назад.

– Два года – это срок, – сказал Морис.

Они переглянулись и принялись объяснять, что оба пишут диссертацию, проводят много времени в лаборатории, в свободное время изучают необходимую литературу и поэтому соседями не интересуются.

– Вы хотя бы знаете их в лицо? – не удержался Морис.

Они снова переглянулись, и муж осторожно заметил:

– Наверное...

– Мы на всякий случай здороваемся со всеми, кого встречаем в подъезде, – добавила жена.

И после этого заявления Миндаугас понял, что добиться от них ничего не удастся.

Дверь квартиры, которая располагалась рядом, ему открыла милая дама. В руках она держала персикового пуделя.

– Вы ко мне? – спросила она, улыбнувшись.

– К вам, если вы хозяйка этой квартиры, – ответил Миндаугас и показал ей удостоверение частного детектива.

– Вы из французской полиции? – спросила дама.

– Почему из французской? – искренне изумился Морис.

– Имя у вас... И я подумала, что вы по обмену опытом.

Заметив его вытянувшееся лицо, она пояснила с улыбкой:

– Я по телевизору видела. В моем любимом сериале была показана подобная ситуация.

– Нет, я живу в России, – улыбнулся он, – работаю в частном детективном агентстве.

– Простите, – ответила она, – заходите.

И объяснила на ходу:

– Я очень люблю французских авторов, последнее время много читаю, благо у меня теперь свободного времени вагон и маленькая тележка. – Она печально вздохнула.

Женщина провела его в небольшую, но очень уютную комнату, интерьер которой слегка напомнил ему вовсе не Францию, а Шотландию. Возможно, из-за того, что на столе была клетчатая скатерть и точно такие же шторы на окне. Чехлы на диванчике и стульях тоже были в клеточку.

– Так, я уже знаю, что вас зовут Морис, – проговорила она, усаживая его на диван, – а меня Полина Степановна.

– Очень приятно. – Морис слегка приподнялся.

– И все-таки вы француз, – рассмеялась она, – от наших мужчин такой галантности не дождешься.

– Нет, я литовец, но моя мама преподает французский язык.

– Ну вот видите, – обрадовалась хозяйка квартиры, – вы все-таки имеете отношение к Франции.

Морис решил не спорить.

– Полина Степановна, я, собственно, потревожил вас, чтобы расспросить о соседях из 6-й квартиры.

– О Володе и Марине? – удивилась она.

– Да.

– И что же вас интересует?

– Вы их хорошо знаете?

– Относительно. Видите ли, я переехала сюда полтора года назад, когда разменяла свою четырехкомнатную квартиру на три однокомнатных, предоставив дочери и сыну отдельное жилье. А полгода назад ушла на пенсию. И вот теперь живем мы вдвоем с Чапом.

Персиковый пудель все это время следовал по пятам за своей хозяйкой, а теперь сел рядом и не сводил с нее преданного взгляда.

– Но за это время вы, наверное, познакомились с Челдышевыми?

– Да, Володю я знаю полтора года, а Марина появилась совсем недавно и весьма неожиданно.

– Что вы имеете в виду под словом «неожиданно»?

– До этого Володя встречался совсем с другой девушкой.

– Вы ее знали?

– Да, дело в том, что у нее тоже есть собака, правда, большая – немецкая овчарка. Иногда она ночевала здесь вместе с Корой.

– С кем?

– Кора – это собака. Они гуляли по вечерам, а иногда и утром, и так мы познакомились.

– А как звали девушку?

– Майя.

– Вы не знаете, где она живет?

– Где-то на Петровской, но точного адреса я не знаю.

– Жаль...

– Зато у меня есть телефон Майи.

– И вы мне его дадите?

– При одном условии.

– При каком? – улыбнулся Морис

– Вы попьете со мной чаю. Я с утра напекла ватрушек, а есть их одной скучно.

– С удовольствием составлю вам компанию.

– Я поставлю чайник, – сказала хозяйка, поднимаясь, – а вы пока записывайте телефон. – Она взяла с подоконника записную книжку, открыла ее на нужной странице и протянула Морису. – Вот, видите, Майя и номер телефона.

– Большое спасибо, Полина Степановна.

– Не за что, – и добавила, лукаво улыбнувшись: – Разве я могу отказать такому галантному юноше.

Морис улыбнулся в ответ. Вскоре они уже сидели за столом и пили чай. Ватрушки были очень вкусными, в чем Морис и признался Полине Степановне.

– Как вам удалось сотворить это кулинарное чудо?! Они же просто во рту тают.

Женщина расцвела от удовольствия.

– Я рада, что вам они нравятся.

– Полина Степановна, – осторожно заговорил Морис, – а вы не знаете, почему Владимир расстался с Майей?

– Не знаю, – покачала она головой, – но думаю, что это она его бросила...

– Почему вы так думаете?

– Как мне кажется, они расстались, когда Марина уже была беременна.

– То есть он одновременно встречался с двумя девушками? – попытался уточнить Миндаугас.

– Представления не имею, – честно призналась Полина Степановна.

– А теперь Марина и Владимир хорошо живут?

Женщина задумалась, а потом тихо проговорила:

– Если честно, то, на мой взгляд, Челдышевы не выглядят счастливой влюбленной парой.

– А какое впечатление производит на вас Марина?

– Она довольно замкнутая, необщительная девочка. Когда гуляет с ребенком, то избегает общения и с соседями, и с другими мамочками.

Морис кивнул.

– И еще мне кажется, что она сильно ревнует Владимира, – вздохнула Полина Степановна.

– Почему вы так решили?

– Он часто задерживается, а она потом устраивает ему скандалы.

– Откуда вам это известно? – насторожился Морис.

– По вечерам мы с Чапом долго гуляем и видим, кто когда приходит домой.

– А о скандалах?

– Так слышно же, когда кто-то шумит в подъезде, стены в нашем доме не слишком толстые.

– Спасибо вам за угощение, – сказал Морис, поднимаясь из-за стола, – и за информацию.

Вы мне очень помогли.

– А я могу вас спросить?

– Конечно.

– Почему вы интересуетесь Челдышевыми?

– Собственно, не самими Челдышевыми, а Владимиром как близким другом Матвеева Малова.

– Того, которого убили в парке?

Миндаугас кивнул.

– Вы что же, думаете, что Володя убил Матвея? – ахнула она, прижав руку ко рту.

– Нет, я так не думаю. Но ведется следствие, и проверяются все версии.

– Понятно. Я часто встречала Матвея, когда он приходил к Володе. Хороший был парень.

– А он часто приходил сюда?

– До женитьбы Владимира очень часто. А после того, как Володя женился, я Матвея и не видела. Собственно, после того как в его квартире обосновалась Марина, уже никто из его близких друзей не появлялся.

– Но сам Владимир не стал домоседом?

– Нет, – усмехнулась Полина Степановна, – скорее всего, он встречается с прежними друзьями в другом месте.

– А с Майей?

– Не думаю, что они продолжают встречаться.

– Ну что ж, Полина Степановна, еще раз спасибо вам и до свидания.

– До свидания? – засмеялась она. – Неужели вы собираетесь еще навестить старуху?

– Какая же вы старуха?! – Морис сделал удивленные глаза. – Обаятельная дама, приятная во всех отношениях.

Он осторожно взял руку хозяйки и почтительно коснулся ее губами.

– Молодой человек, вы смущаете меня, – проговорила она, кокетливо отворачивая голову.

А Чап переступил с лапы на лапу и тихонько твякнул.

– Мне кажется, что он ревнует, – улыбнулся Морис и покинул гостеприимную хозяйку.

В остальных квартирах двери не открывали, и Морис вышел на улицу. Он немного подумал и направился к следующему подъезду.

Двери в 9-й квартире ему открыл седой сутулый старик в семейных трусах и застиранной майке. Морис представился и протянул ему удостоверение. Старик пошарил рукой где-то у себя за спиной, нацепил на нос очки и прочитал, что же там написано. Потом буркнул: «Проходите».

Морис прошел за хозяином в комнату, которая, вероятно, считалась гостиной. В ней стоял разложенный диван, два кресла, стенка советских времен, круглый стол, несколько стульев вокруг него и телевизор на тумбочке в самом углу. Старик представился Петром Даниловичем, велел Морису садиться и скрылся. Вернулся он минут через пять. Теперь на нем была полосатая пижама, выдавшая лучшие времена.

– И зачем вы ко мне пожаловали? – спросил Петр Данилович.

– Вы хорошо знаете Челдышевых из 6-й квартиры?

– Володьку, что ли? – насупился старик.

– Да.

– Его батьку и матку знал лет двадцать пять, если не больше, ну и его самого, шалопая, с детства.

– Почему шалопая? – удивился Морис.

– Потому что молодежь теперь вся такая, – насупился старик.

Морис промолчал.

И это вдохновило Петра Даниловича:

– Взять хотя бы мою дочку! Выскочила замуж и укатила со своим хахалем на край свет!

– Почему же с хахалем, – осторожно заметил Морис, – если она вышла за него замуж, то он ей муж.

– Это ей он муж, а по мне так хахаль! – отрезал старик, сердито зыркнул на умолкнувшего Мориса и продолжил: – Или взять моего сынка! Тот вообще моряк! Я его десять лет не видел!

Морис подумал о том, что очень хорошо понимает нежелание детей навещать старика. Скорее всего, они сыты его недовольством и нотациями еще с детских лет.

– Наша молодежь любит окружить себя роскошью, она дурно воспитана! Она смеется над своими начальниками и нисколько не уважает старших, – невольно проговорил он вслух.

– Вот видите, – обрадовался старик, – что умные люди говорят.

– Это Сократ из Афин. Он жил в 469–399 годах до нашей эры.

– Значит, уже тогда молодежь начала портиться, – ничуть не смутился старик.

– Петр Данилович, и все-таки, что вы можете сказать о Владимире Челдышеве?

– Да ничего хорошего! Путался с одной, обрюхатил другую. И вот результат! – торжествующе заявил Петр Данилович.

– В смысле?

– Родят дите и бросят!

– Почему вы так решили?

– А что тут решать-то. Он вернется к прежней девке. А она помчится искать другого мужа. До ребенка ли им?!

– Не знаю, – растерялся Морис.

– Так зато я знаю, – отрезал старик.

– Петр Данилович, а Матвея Малова вы знали?

– Знал.

– Они ведь были друзьями с Челдышевым?

– Были. Там и кроме него было много друзей. Но Маринка всех отвадила.

– Как, то есть, отвадила?

– Очень просто, поглядели они на ее кислую морду, послушали бубнеж и другую хату нашли для своих сборищ.

– Понятно. А вы не знаете, Владимир и Матвей ссорились когда-нибудь?

– Чего не знаю, того не знаю, врать не буду. Но навряд ли.

– Почему?

– А чего им делить-то?

– Малова убили...

– Знаю. Но это его, скорее всего, Маринка зарезала, – неожиданно заявил он.

– Как, то есть, Маринка? За что?! – растерялся Миндаугас.

– За яйца, – хмыкнул старик.

– За что?!

– Я же говорю русским языком, что за яйца. Не любит она тех, кто с яйцами.

– Но она же вышла замуж...

– Вышла. Но надолго ли? Отсюда и всякие сдвиги в башке.

Морис поблагодарил старика и поспешил покинуть квартиру. Он направился к выходу из подъезда и, только убедившись, что странный дед закрыл дверь, вернулся и позвонил в квартиру напротив. Глазка, к счастью, на двери Петра Даниловича не было.

Дверь ему открыл крепыш лет шестнадцати. Он посмотрел на Мориса и спросил:

– Вы к бабуле, что ли?

Миндаугас кивнул и был тотчас сопровожден на кухню.

– Ба! Это к тебе! – возвестил подросток и тотчас скрылся.

Морис увидел двух пожилых женщин. По тому, как они выглядели, он догадался, что попал на маленький праздник. Он представился и предъявил удостоверение, на которое ни одна из пожилых дам не взглянула. Одна из них назвалась Катериной Ивановной, а другая Марией Федоровной.

Миндаугас объяснил, зачем он пришел, и его сразу же усадили за стол. Наконец-то ему повезло. Он застал двух соседок, которые праздновали день рождения одной из них, а именно Машеньки, как сказала Катерина Ивановна.

Видимо, закуски уже были съедены, и теперь они пили чай с громадным тортом, на котором красовалась ветка сирени из крема. Выглядела она очень натурально. Мария Федоровна на правах хозяйки налила гостю чай и отрезала кусок торта. Миндаугас поздравил именинницу, извинился за то, что заявился без подарка. Машенька зарделась, точно юная девушка, и кокетливо отмахнулась.

Некоторое время Морис поддерживал разговор о скоротечности времени и выслушивал воспоминания подружек, согласно кивая и вставляя короткие междометия. После второй чашки чая, извинившись, что в такой день ему приходится возвращаться к своим обязанностям детектива, он просил милых дам ответить на его вопросы. Дамы с удовольствием согласились. А когда узнали, что его интересует Владимир Челдышев, выложили не только известное им лично, но и домыслы всего двора. Из рассказа соседок выходило, что женился Челдышев на Марине вовсе не по любви, а потому, что она соблазнила его на какой-то вечеринке и забеременела.

– Соблазнила она его специально, обдуманно, – многозначительно подмигнула Морису Мария Федоровна.

– Да, всем известно, что Маринка по Володьке давно сохла, – согласилась с мнением подруги Катерина Ивановна.

Морис не стал уточнять, кто это все, которым было известно про любовь Марины.

– До этого Володя встречался с Майей.

– С год уже, – вставила вторая подруга.

– Они собирались пожениться.

- Владимир был на той вечеринке без Майи? – спросил Морис.
- В том-то и дело! – воскликнули женщины в один голос.
- И стали рассказывать, перебивая друг друга.
- Майя уехала на неделю в столицу. А тут Мотя пригласил Володьку пойти на день рождения Ольги Кружилиной, своей бывшей подружки.
- Мотя – это кто?
- Как кто? – удивилась Катерина Ивановна непонятливости Миндаугаса. – Матвей Малов.
- Его недавно в парке убили, не слыхали, что ли? – встряла Мария Федоровна.
- Слыхал, – вздохнул Морис, подстраиваясь под говор подруг, – собственно, именно из-за его гибели нас и интересуется Челдышев.
- Ага, вот, значит, как, – многозначительно переглянулись женщины.
- Значит, Челдышев и Малов пошли в гости к Кружилиной и там...
- Да, именно так.
- Майя сильно расстроилась?
- Еще бы! И во всем винила Мотю, хотя и Володьку, конечно, тоже.
- А Челдышев тоже винил своего друга?
- Этого мы не знаем, – пожала плечами Мария Федоровна.
- На лицах обеих подруг было написано явное сожаление.
- Челдышев мог и не жениться на Марине, – осторожно заметил Морис.
- Мог бы! – усмехнулась Катерина Ивановна. – Кабы брат Маринки не работал в прокуратуре.
- Вот как, – только и обронил Миндаугас.
- Именно так. Тут такой скандал был. Мамаша Маринкина приезжала и Володьку стращала. Вот он и женился.
- Понятно.
- Но я думаю, проживет он с ней года полтора и все равно к Майке вернется, – заявила Мария Федоровна.
- А вы не знаете, продолжают ли они встречаться?
- Как бы нет, но втихаря, думаю, встречаются.
- А Челдышев приходит домой вечером сразу после работы?
- Как же! Очень ему надо спешить к постылой жене.
- Не помните ли, когда он пришел в вечер убийства Малова?
- Под утро.
- Даже так? И откуда это известно?
- В этом доме известно все, – авторитетно заявила Катерина Ивановна.
- Он был у Майи?
- Может, и у нее.
- А Матвей с Ольгой Кружилиной как долго встречался?
- Они вместе работали, потом Ольга уволилась, на другой работе завела роман и с Матвеем рассталась, но отношения дружеские они сохранили. Матвей тоже стал встречаться с другой девушкой, но и с этой у него не сложилось.
- Как вы думаете, не мог Челдышев затаить обиду на Малова?
- Из-за Маринки? Нет, они с Мотей дружили крепко, и Володька не винил друга в своей глупости. Видели бы вы, как он убивался, когда узнал...
- Ну что ж, благодарю вас за чай и за информацию.
- Морис поднялся из-за стола и направился к двери.
- Хозяйка, провожая его, спросила:
- Вы уже все квартиры обошли?

– Не был только в той, что рядом с вами.

– К Зое можете не ходить, она певичка, поет в ресторане по вечерам, а сейчас, небось, дрыхнет, – хмыкнула Мария Федоровна.

– Спасибо, – еще раз поблагодарил Морис, вышел из подъезда, обошел дом вокруг и снова вошел в подъезд, нажал на звонок квартиры, в которой, по словам Марии Федоровны, жила неведомая ему Зоя. Позвонив в дверь, он замер, опасаясь не столько того, что ему не откроют, сколько появления на пороге двух подружек из квартиры рядом.

Дверь ему открыли сразу. На пороге стояла миниатюрная блондинка лет тридцати в светло-голубом шелковом халате, расписанном райскими птицами. Ее голубые глаза смотрели вопрошающе.

Морису она почему-то напомнила белую фарфоровую кошечку, каких раньше ставили на комод для украшения жилища. Она и впрямь была хороша какой-то хрупкой красотой.

– Я Морис Миндаугас, частный детектив, вот мое удостоверение, – сказал он.

– Зоя Ильина, певица, – улыбнулась она своими небольшими пухлыми губами малинового цвета.

– Очень приятно, Зоя. Мне нужно с вами поговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.